

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 94 / 99

Ю. Н. КРЯЖЕВ

Курганский государственный
университет

РОМАНОВЫ И РАСПУТИН: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ НОВОГО ВРЕМЕНИ

О Григории Распутине написаны многие тома. И тем не менее остается еще масса загадок, связанных с историей взаимоотношений данной личности и императорской семьи. Именно это обстоятельство явилось причиной рождения множества мифов о Распутине — «подлинном царе», «человеке из народа», «ясновидце и пророке» и т.д. Данное исследование содержит оригинальный материал, позволяющий раз-венчать известные мифы разных эпох о роли Распутина в истории, определить его истинный статус при дворе, глубже осмыслить и понять всю сложность и противоречивость отношений четы Романовых с Распутиным и отделить мифическую историю от настоящей.

Ключевые слова: Распутин, Романовы и Распутин, окружение Николая II.

До сих пор можно услышать, что Григорий Ефимович Распутин был чуть ли не «подлинным царем» России и, если бы его не убили в декабре 1916 г., наша история выглядела бы сегодня совершенно иначе. Однако это миф, вернее, отголоски мифа, созданного противниками последних Романовых. В реальности Распутин лично не только не играл сколько-нибудь самостоятельной политической роли, но нет данных, свидетельствующих о том, что он пытался играть ее. Наряду с этим анализ содержания современной отечественной литературы показал и другую крайность, когда Распутин изображается неким «человеком из народа», бесконечно преданным императорской чете

Романовых и чуть ли не невинной жертвой социального безумия, охватившего Россию. Но это тоже миф, как и миф о «Распутине — царе». В реальности Распутин был просто использован силами, боровшимися за влияние и власть, — крайне правыми и либеральной оппозицией. Они-то и превратили его в значимую фигуру, сыгравшую в судьбе династии Романовых поистине роковую роль. Между тем другие авторы пытаются сегодня представить Распутина этаким ясновидцем, обладавшим пророческими способностями, умевшим предсказывать ход событий. При этом утверждается, что многие его предсказания сбылись (ссылаются обычно на слова Распутина о том,

что в случае его смерти в России начнутся великие волнения и все будет залито кровью).

Очевидно, столь стремительное утверждение Распутина при дворе было обусловлено определенными качествами, ему присущими. Не только фрейлина ее величества А.А. Вырубова, испытывавшая к нему особое расположение, но и другие современники свидетельствуют, что при своей заурядной внешности Распутин производил на людей сильное впечатление. От него исходила какая-то властная сила, в чем-то напоминавшая действие гипноза. С ее помощью он воздействовал на наследника в моменты обострения у него болезни. У больного наступало заметное облегчение и нередко останавливалось кровотечение. Разумеется, все это еще больше усиливало влияние Распутина на весьма импульсивную и набожную императрицу, доверявшую чудодейственным возможностям этого человека и не замечавшую всего скверного и гнусного, что связывалось с его именем.

В.Э. Шуленбург рассказывает (со слов Жильяра) о таком весьма любопытном случае. Гостивший в Ставке цесаревич Алексей направлялся вместе с отцом в поезде на очередной войсковой смотр. По пути следования у наследника внезапно началось столь сильное и опасное кровотечение, что было решено немедленно отправиться в Царское Село. Когда состав подошел к перрону, вышедший из вагона Николай II сообщил встречавшей их бледной и измученной тревогой императрице, что кровь остановилась. Александра Федоровна тихим и слабым голосом спросила Жильяра, не заметил ли он, в котором часу это произошло. «В шесть часов двадцать минут», — был ответ. «Я знала об этом», — произнесла императрица по-французски и показала телеграмму, полученную от Распутина: «Бог поможет, будет здоров». Телеграмма эта была отправлена в 6 часов 20 минут. Для императрицы это не было простым совпадением, поскольку касалось любимого сына. К тому же подобные совпадения случались не единожды. Поверив в чудодейственную силу Распутина, она уже не могла расстаться с этой верой [1].

Александра Федоровна, а в какой-то мере и сам Николай II стали жертвами одной из самых чудовищных мистификаций, которая имела тяжелейшие последствия не только для династии Романовых, но и для всей России. На религиозную императрицу большое влияние, несомненно, оказало и то, что перед личностью Григория Распутина не устояли и иерархи православной церкви, проявив к нему неоправданно высокое внимание и почтение. Возможно, на них произвел сильное впечатление тот факт, что Распутин совершил паломничество в Иерусалим, преодолев в веригах долгий и трудный путь из Сибири в Петербург пешком. Но пока священнослужители решали для себя вопрос, кто он: «бес или ангел» [2], Распутин стремительно ворвался в петербургские великосветские салоны и очень скоро занял в них, благодаря покровительству двора и особенно императрицы, исключительное положение.

Императрица готова была исполнить любые его просьбы и советы. Она называла Распутина не иначе как «божий человек» или «святой старец» и очень скоро причислила к кругу самых близких и преданных друзей трона. Более того, по тому, как тот или иной российский государственный деятель относился к Распутину, она определяла, насколько тот лоялен к короне. Эту мысль она постоянно и не безуспешно внушала императору. «Враги нашего друга, — писала Александра Федоровна Николаю II, имея в виду Распутина, — наши собственные враги». Она свято верила в то, что если «мы дадим преследовать нашего друга,

и мы и наша страна от этого пострадают» [3]. Те, кто выступал против «друга» и тем более пытался преследовать его, подлежали смещению с занимаемых ими постов. При этом ее не смущали ни чины, ни звания, ни положение подозреваемых в нелояльном отношении к Распутину. Императрица постоянно и категорически настаивала на том, чтобы Николай II прежде чем принять какие-либо серьезные решения, осведомлялся у Распутина, получал на них благословение.

Жильяр в своих воспоминаниях утверждает, что зимой 1918/19 г. он, будучи в Тюмени, собственными глазами видел копии телеграмм Распутину, который после покушения на него залечивал свои раны в тюменском госпитале [4]. Августейшие супруги Романовы, напуганные грозящей войной, запрашивали Распутина, думает ли он, что она возможна, его просят молиться за царя и царицу, надеются на его советы. Распутин считал, что необходимо любой ценой избежать этой войны, иначе императорской династии Романовых и всей России грозят самые ужасные несчастья [5, с. 97].

В исторических сочинениях нередко высказывается мысль, что необразованный и грубый сибирский мужик, не разбирающийся в государственных делах и людях, был несамостоятелен в своих поступках и играл роль подставного лица, ловко исполняемого теми, кто стремился осуществить свои темные планы [6], и что вовсе не министры были марионетками Распутина, как принято считать, а сам он был таковой в руках министров и стоявших за ними дельцов и аферистов. Конечно, можно только удивляться тому, как могли безграмотные записки Распутина типа: «Милай, дорогой сделай» или «дорогой устрой» воздействовать на принятие весьма сомнительных решений, касающихся перестановок в составе правительства. В результате бесконечной министерской чехарды у власти оказывались люди малокомпетентные, а часто и просто проворовавшиеся на прежних постах. Это не могло не вызывать серьезной обеспокоенности в самых разных кругах российской общестственности, в том числе и в высших сферах. Как мог, например, в такой ответственный для государства момент оказаться на посту председателя Совета министров Б.В. Штюрмер, который еще в начале царствования Николая II по его же указанию был уволен с должности министра внутренних дел за казнокрадство. По протекции Распутина на государственных должностях оказывались такие, явно не соответствующие им люди, как министр юстиции Н.А. Добровольский, или министр внутренних дел А.Д. Протопопов.

Императрица пыталась по-своему объяснить причины министерской чехарды. «Где люди, я всегда это повторяю. Я просто не могу понять, как в такой великой стране случается, что мы никогда не находим подходящих людей, за редкими исключениями». Но дело, разумеется, было не в отсутствии подходящих людей, а в той позиции, которую занимала сама императорская чета Романовых, приближая к себе и выдвигая на государственные посты исключительно тех людей, которые, по их мнению, поддерживали монархию безоговорочно. Верноподданничество — вот тот принцип, который перекрывал все остальные качества будущего государственного деятеля, в том числе и такие, как компетентность, порядочность и т.д. На этих то струнах и играл Распутин, рекомендуя своих избранников на тот или иной высокий государственный пост. И все же, как справедливо замечает Жильяр, значение Распутина сильно преувеличивали. Но «один тот факт, что подобное влияние могло су-

ществовать (и существовало! — Ю.К.), было уже вызовом общественному мнению» [5, с. 121].

Между тем в российском обществе, даже в высших эшелонах власти, зрела ненависть к Распутину и распутинщине. На всех этажах петербургского общества говорили, и все более открыто, какими бедами и катастрофами грозят они династии Романовых и всей России. Распутина клеймили в Государственной думе. Высшие должностные чины требовали его изгнания из столицы. Он становился едва ли не самой ненавистной фигурой в российском обществе. Его осыпали проклятиями, с ним связывали чуть ли не все несчастья, обрушившиеся на Россию. Спасение самодержавия видели в том, чтобы избавиться от Распутина. И способы для этого обсуждались в придворных кругах, в том числе и некоторыми членами императорского дома Романовых. Надо признать, что ненависть эта нередко застила глаза, подавляла голос рассудка, мешала видеть возможные последствия устранения Распутина в первую очередь для романовской династии, но также и для страны.

Рано утром в субботу 17 декабря 1916 г. в квартире прокурора Судебной палаты С.В. Завадского раздался резкий телефонный звонок. Прокурор петроградского окружного суда О.О. фон Нандельштедт докладывал, что, по всей видимости, в ночь с 16 на 17 декабря убит Распутин.

Изучая дело об убийстве Распутина и проводя необходимые следственные действия, Завадский поначалу не сомневался, что «в убийстве Распутина участвовали круги, очень близкие к престолу» и имевшие, как он полагал, определенную программу действий. На случай, если бы государь не одобрил их поступка, у заговорщиков были уже готовы и план дворцового переворота и кандидатура нового императора. Однако после встреч и бесед с великими князьями Николаем и Александром Михайловичами, проявлявшими большой интерес к ходу следствия, он стал сомневаться в существовании идеи заговора: «такими неуверенными, я бы сказал, выжидательно-страдательными показались мне мысли и чаяния обоих великих князей» [7].

О заговоре с целью устранения не только Распутина, но, возможно, и самого императора пишут не только современники, но и некоторые исследователи. Прежде чем ответить на вопрос, действительно ли существовал план отлучения от трона Николая II и замены его другим представителем дома Романовых, первым звеном которого было физическое устранение Распутина, необходимо рассмотреть по крайней мере версию убийства, исходящую от самих участников. Речь идет о версии, которую князь Ф.Ф. Юсупов поведал одной даме из высшего света, а та, в свою очередь, рассказала своим подругам. Согласно этой версии, сразу же после того, как было принято решение покончить с Распутиным, Юсупов, хорошо знавший его и неоднократно с ним встречавшийся, позвонил ему, и, передав якобы просьбу своей жены Ирины Александровны (племянницы Николая II), приехавшей будто бы всего на день-два из Крыма специально, чтобы поговорить с Распутиным, пригласил последнего к себе, чтобы вместе провести вечер. При этом было заявлено, что поскольку родители Юсупова решительно не переносят Распутина и не желают даже слышать о нем, никто не должен ничего знать об этом его визите. По этим же соображениям ему не следует приезжать с охраной. Распутин согласился.

Старец, как и обещал, приехал без охраны. Встретив гостя на пороге своего дома, Юсупов проводил

его в столовую, размещавшуюся в полуподвальном помещении. В это время на верхнем этаже находились великий князь Дмитрий Павлович, депутат Государственной думы В.М. Пуришкевич и ряд других лиц. Ожидая появления княгини Ирины Александровны, Распутин попивал любимый портвейн, закусывая печеньем. Сидевший с ним за столом Юсупов недоумевал, почему ни вино, ни печенье, которые были отравлены, не возымели на Распутина никакого действия. Затем князь вскочил из-за стола, подошел к гостю вплотную и, не задумываясь, выстрелил в него в упор. Сраженный пулей, Распутин упал на пол. Решив, что пуля, прошившая левую часть груди, смертельна, Юсупов бросился наверх, чтобы сообщить об этом своим сотоварищам.

Великий князь спустился вниз и, не заходя в столовую, на своем автомобиле уехал за другой машиной, на которой заговорщики намеревались увезти труп из дома Юсупова и сбросить его в Неву.

Когда остальные участники покушения вошли в столовую и приблизились к лежавшему на шкуре белого медведя Распутина, тот ко всеобщему ужасу неожиданно стал подниматься, встал во весь рост, и, расталкивая всех, направился к выходу. Опешивший Пуришкевич бросился за ним, на ходу вынимая револьвер. Нагнав Распутина уже во дворе, он сделал еще один выстрел: на этот раз прямо в затылок. Распутин упал на спину, обливаясь кровью.

На выстрелы прибежал городской, чей пост находился неподалеку от места разыгравшейся трагедии. Между городским и Пуришкевичем произошел короткий разговор, после чего последний протянул городскому 500 рублей.

Городовой ушел, но денег не взял. Пуришкевич тут же позвал дворника, и они вдвоем втащили мертвого Распутина в дом. Вскоре появился Дмитрий Павлович на другом автомобиле. Труп, завернутый в шубу и синюю портьеру, сорванную с окна, уложили в машину, которая доставила его к Петровскому мосту [8].

В литературе предлагались и иные версии, связанные с убийством Распутина, различающиеся, как правило, частностями, хотя и довольно существенными. Так, утверждается, что Распутина доставил во дворец Юсупова великий князь Дмитрий Павлович, которому Распутин не мог отказать, хотя и не хотел ехать к Феликсу. Некоторые полагают, что первым выстрелил в Распутина вовсе не Юсупов, а Пуришкевич, который сделал и все последующие выстрелы. По поводу отравления существуют разные версии. Одни считают, что синильная кислота в вине и печенье потому не подействовала на Распутина, что это ядовитое вещество имеет свойство испаряться при температуре свыше 27°. По мнению других, яда со страху высыпали слишком много, а при высокой концентрации теряются главные его свойства. Третьи и вовсе заявляют, что Распутин не прикоснулся ни к вину, ни к печенью.

Но, пожалуй, самое удивительное в том, что великий князь Дмитрий Павлович, князь Феликс Юсупов и Пуришкевич сразу же и сами явились к министру юстиции А.А. Макарову и признались в содеянном, оставив ему письменное заявление о том, что они, по взаимномуговору между собой и действуя сообща, убили Распутина. Впрочем, была и версия, согласно которой они, напротив, делали все возможное, чтобы запутать следствие и скрыть следы преступления, всячески отрицали свою причастность к убийству.

Бывший дворцовый комендант В.Н. Воейков в своих воспоминаниях приводит текст письма Юсупова, доставленного императрице Александре Федоровне

на следующий день после убийства Распутина. В нем говорилось: «Спешу исполнить Ваше приказание и сообщить Вам все то, что произошло у меня вчера вечером, дабы пролить свет на то ужасное обвинение, которое на меня возложено. По случаю новоселья, ночью 16-го декабря я устроил у себя ужин, на который пригласил своих друзей, несколько дам. Великий князь Дмитрий Павлович тоже был. Около 12-ти ко мне протелефонировал Григорий Ефимович, приглашая ехать с ним к цыганам. Я отказался, говоря, что у меня самого вечер, и спросил, откуда он мне звонит. Он ответил: «Слишком много хочешь знать», и повесил трубку. Когда он говорил, то было слышно много голосов. Вот все, что я слышал в этот вечер о Григории Ефимовиче». Заканчивалось письмо так: «Я не нахожу слов, Ваше величество, чтобы сказать Вам, как я потрясен всем случившимся и до какой степени мне кажутся дикими те обвинения, которые на меня возводятся» [9, с. 180].

Это была откровенная ложь, проникнутая стремлением уйти от ответственности за содеянное. Вместе с тем это письмо свидетельствовало об истинной цене княжеского слова. Как тут не согласиться с российским офицером, который по поводу такой позиции Юсупова сказал очень горькие слова: «Нет ничего удивительного, что Россия, дожившая до таких князей и до таких понятий о княжеском слове, дожила и до Троцкого с Лениным с циничным отрицанием старых договоров и обязательств. Бедный государь. Несчастливая Россия» [10].

Следствие так и не было доведено до конца и не только потому, что нараставшие драматические события отодвинули этот факт на задний план, но еще и в силу того, что власти и прежде всего двор не были заинтересованы в широкой огласке всего, что было связано с Распутиным и его убийством. Лишь одна императрица Александра Федоровна упорно добивалась примерного наказания всех убийц. Она была убеждена, вопреки мнению большинства членов дома Романовых и многих монархистов, что убийство Распутина принесло огромный вред самодержавию. Аналогичную точку зрения высказывала и Вырубова, пытавшаяся распутинское дело связать с моральным состоянием российского общества, которое, по ее словам, воспользовалось Распутиным «как поводом для разрушения всех прежних устоев; он как бы олицетворял в себе то, что стало ненавистным русскому обществу, которое, как я уже писала, утратило всякое равновесие; он стал символом их ненависти. И на эту удочку словили всех: и мудрых, и глупых, и бедных, и богатых. Но громче всех кричала аристократия и великие князья, и рубили сук, на котором сами сидели» [11]. И с этим мнением, несмотря на всю его кажущуюся парадоксальность, следует, пожалуй, согласиться.

Среди причин, толкнувших заговорщиков на преступление, главной обычно называют крайне вызывающее, совершенно непристойное поведение старца, компрометировавшего в глазах российской и мировой общественности как самого Николая II, так и всю династию Романовых [12]. Физическое устранение Распутина должно было положить конец его демоническому влиянию на императорскую чету и тем самым спасти самодержавие. Незадолго до расправы и Распутина, и его высоких покровителей открыто обвиняли чуть ли не в измене, заявляя об их пронемецкой позиции и стремлении к сепаратному миру с Германией. Безудержный разгул, кутежи, разнузданные оргии, в том числе с участием жен высоко-поставленных особ и даже членов императорского дома Романовых — все ставилось в вину Распутину.

Выскажем, однако, предположение, что ни один из названных мотивов не мог все-таки служить достаточным основанием для убийства Распутина. Должны были быть более серьезные и глубокие причины. Ведь само убийство Распутина надо рассматривать не изолированно, а как часть более широкого и далеко нацеленного плана. Косвенным подтверждением этого может служить тот факт, что еще в ноябре 1916 г. мать Юсупова писала своему сыну, явно склоняя его к мысли о необходимости физического устранения Распутина: «Теперь поздно, без скандала не обойтись, а тогда можно было все спасти, требуя удаления управляющего на все время войны и невмешательства Валидэ в государственные вопросы. И теперь я повторяю, что пока эти два вопроса не будут ликвидированы, ничего не выйдет мирным путем, скажи это дяде Мише от меня» [13]. 24 декабря 1916 г., уже после убийства Распутина, как бы оправдывая это преступление, супруга председателя Государственной думы III и IV созывов М.В. Родзянко пишет матери Юсупова княгине З.Н. Юсуповой: «Несмотря на весь окружающий нас мрак, я твердо верю, что мы выйдем победителями как в борьбе с внешним врагом, так и с внутренним. Не может святая Русь погибнуть от шайки сумасшедших и низких людей: слишком много пролито благородной крови за славу и честь России, чтобы дьявольская сила взяла верх» [9, с. 181 — 182].

О том, что даже Николай II допускал возможность дворцового переворота, служит его достаточно резкий ответ на просьбу некоторых членов императорского дома Романовых о снисхождении к великому князю Дмитрию Павловичу: «Никому не дано право заниматься убийствами. Знаю, что совесть многим не дает покоя, так как не один Дмитрий Павлович в этом замешан. Удивляюсь вашему обращению ко мне» [9, с. 183].

Расправа с Распутиным не была только мстью или наказанием за его грехи. Убийство Распутина в декабре 1916 г. и отречение Николая II от престола в феврале 1917 г. взаимосвязаны определенной логикой развития событий. Первое явилось своего рода сигналом к развертыванию более масштабных и более серьезных по последствиям событий, которые должны были лишить распутинцев всякого влияния на императорскую чету Романовых. При этом не исключалась возможность отстранения от власти самого Николая II. Очевидно, далеко не все лица, причастные к убийству Распутина или одобрявшие эту акцию, глубоко понимали как смысл сложившейся ситуации, так и размеры угрозы, нависшей над династией Романовых. Налицо один из исторических парадоксов: убийцы Распутина, уверенные, что действуют во благо самодержавной России, на самом же деле ускорили ее крушение. По утверждению некоторых авторов, великий князь Николай Николаевич, отвечая членам общества фронтowych офицеров-гвардейцев на их заявление о готовности ликвидировать Распутина и тем самым прекратить всю распутинскую вакханалию, обронил будто бы в ответ: «Одного Распутина мало. Перевешать надо всех распутинцев. А их очень много» и, немного подумав, добавил: «К тому же среди них есть и такие, которых пока еще вешать нельзя» [14].

Всем было ясно, кого имел в виду великий князь.

Библиографический список

1. Шуленбург, В. Э. Воспоминания об императрице Александре Федоровне [Текст] / В. Э. Шуленбург. — Париж, 1928. — С. 47 — 48.
2. Илиодор [Сергей Труфанов]. Святой черт (Записки о Распутине) [Текст] / Илиодор [Сергей Труфанов]. — М., 1917. — С. 42, 43, 120.

3. Письма императрицы Александры Федоровны к императору Николаю II [Текст]. — Берлин, 1929. — Т. 1. — С. 133, 146.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 601. Оп. 1. Д. 2109. Л. 63.
5. Император Николай II и его семья. По личным воспоминаниям П. Жильяра [Текст]. — Вена, 1921. — 397 с.
6. Алмазов, Б. Распутин и Россия [Текст] / Б. Алмазов. — Прага, 1922. — С. 181.
7. Завадский, С. В. На великом изломе (Отчет гражданина о пережитом в 1916–1917 годах) [Текст] / С. В. Завадский // Архив русской революции. — Берлин, 1923. — Т. VIII. — С. 40–41.
8. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 948. Оп. 1. Д. 180. Л. 10–11.
9. Воейков, В. Н. С царем и без царя. Воспоминания последнего дворцового коменданта государя императора Николая II [Текст] / В. Н. Воейков. — Гельсингфорс, 1936. — 288 с.
10. Марков, С. Покинутая царская семья. 1917–1918. Царское Село — Тобольск — Екатеринбург [Текст] / С. Марков. — Вена, 1928. — С. 17.

11. Вырубова, А. А. Страницы из моей жизни. — Фрейлина ее величества Анна Вырубова [Текст] / А. А. Вырубова. — М., 1996. — С. 276.
12. Голос минувшего. — 1917. — № 3. — С. III.
13. Мельгунов, С. На путях к дворцовому перевороту (Заговоры перед революцией) [Текст] / С. Мельгунов. — Париж, 1931. — С. 131.
14. Бубнов, А. В царской ставке [Текст] / А. Бубнов. — Нью-Йорк, 1955. — С. 36–37.

КРЯЖЕВ Юрий Николаевич, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры отечественной истории и документоведения.
Адрес для переписки: e-mail: kryazheff1958@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 14.12.2010 г.

© Ю. Н. Кряжев

УДК 947. 083. 78 : 331. 01

И. И. КРОТТ

Омский государственный
педагогический университет

ПОЛИТИКА ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В ОТНОШЕНИИ СЕЛЬСКИХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ ХОЗЯЙСТВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (ФЕВРАЛЬ — ОКТЯБРЬ 1917 Г.)

В данной статье рассматривается аграрная политика Временного правительства. Анализу подвергается проблема взаимодействия власти и сельскохозяйственно-предпринимательства Западной Сибири, принципы выстраивания взаимоотношений между ними.

Ключевые слова: Временное правительство, аграрная политика, сельские предприниматели.

Революционные события февраля 1917 г. в России, изменившие сложившийся уклад жизни общества, не могли не затронуть сферы аграрных отношений. От позиции жителей сельского сообщества во многом зависела устойчивость не только того или иного политического режима, но и всей российской государственности.

Первые известия о февральских событиях 1917 г. в Петрограде сельское население Сибири восприняло довольно сдержанно. Это было связано с тем, что для основной его массы интересны были не декларации намерений новой власти, а ее реальные действия и поступки. Но со временем сибирская деревня активно включилась в те процессы, которые происходили в стране. Уже в марте 1917 г., на различных собраниях, сходах, съездах сельское население региона выразило полную поддержку и доверие Временному правительству [1].

В период демократических преобразований в сельском локальном сообществе получили широкое распространение идеи отмены собственности на землю, требования передачи крестьянству помещичьих, кабинетских, частновладельческих, монастырских,

причтовых и церковных земель [2, 3]. Во многих наказах крестьян Томской губернии имелись прямые призывы к ликвидации предпринимательской аренды, особенно в районе кабинетского землевладения на Алтае [4]. По решению крестьянского съезда Тобольского уезда, все земли частных владельцев, за исключением тех, где велось образцовое хозяйство, так же переходили в руки трудового народа без выкупа [5].

Массовые несанкционированные порубки лесов, захваты земель сельскими общинами и отдельными крестьянами наблюдались и в других районах Западной Сибири [6].

В сложившейся ситуации Временное правительство понимало, что есть реальная угроза решения аграрного вопроса радикальными мерами. В силу этого в своем воззвании от 19 марта 1917 г. оно особо подчеркивало, что земельная реформа требует длительной подготовительной работы и открыто высказалось против любых земельных захватов [7].

Отметим, что разнообразные съезды, собрания и другие форумы сибирского крестьянства, где формулировались требования обеспечения нуждающихся земель, перераспределения кабинетских

и казенных земель, воспринимались сельским населением не как представительные мероприятия, а как учреждения, которые немедленно решают все аграрные проблемы той или иной местности и отдадут необходимые распоряжения на места [8]. По справедливому мнению Т. В. Якимовой, принимавшиеся на съездах решения и резолюции были для крестьян документами «не менее авторитетными, чем правительственные распоряжения...» [9].

В марте 1917 г. в Западной Сибири стали создаваться новые органы власти на селе — комитеты общественной безопасности и порядка, которые выбирали волостные и сельские комитеты [10]. Временное правительство стремилось контролировать процесс создания комитетов. Для этого 19 марта 1917 г. были установлены единообразные принципы их формирования и деятельности. До конца марта временные губернские комитеты направили на места положения о выборах постоянных органов местного управления — народных собраний и исполнительных комитетов. Передача власти в руки народных собраний и исполкомов проходила довольно организованно и была завершена к июню 1917 г. [11].

На своих самых первых сессиях народные собрания приняли обращения к сельскому населению Сибири с призывом охраны земельной собственности и содействию развития сельскохозяйственного производства. По распоряжениям большинства народных собраний Томской губернии, бывшая кабинетская земля в неограниченном количестве передавалась в аренду по довольно низкой ставке [12]. Кроме того, продлевалась аренда крупным сельским предпринимателям, которые вели хозяйства на арендованных участках [13].

Более радикальные позиции занимали исполнительные комитеты народных собраний. Волостные и сельские комитеты активно включились в борьбу за ликвидацию кабинетского землевладения, санкционировали захват участков арендаторов. Например, Барнаульский волысполком потребовал осуществить реорганизацию управления Алтайского округа, расторгнуть договоры с арендаторами — предпринимателями. В последующем с созданием земельных комитетов и земств исполнительные комитеты включились в подготовку земельной реформы [10].

Следует отметить, что Временное правительство подтвердило действие ранее заключенных долгосрочных арендных соглашений. Отчуждение земель у крупных арендаторов допускалось лишь в случае ее неиспользования и только после возвращения арендаторам годовой арендной платы. Более того, региональные правительственные структуры стремились удовлетворить любое прошение или ходатайство сельских предпринимателей, помогая им в охране прав на землю. Например, летом 1917 г. в Акмолинской области имели место «аграрные трения» между местным населением и предпринимателями — овцеводами Ф. М. Остряниным, Т. М. Подковыровым, А. И. Даниленко и др. Крестьянское население предприняло несколько попыток к захвату покосов, но принимая во внимание государственную значимость данных хозяйств, Акмолинской областной земельной управе удалось мирным путем «уладить все недоразумения в этом направлении» [14].

Несмотря на такую благожелательную политику со стороны правительства, многие предпринимательские хозяйства региона страдали от земельных захватов. Так, весной 1917 г. от незаконных действий сельского населения в Томской губернии пострадали предпринимательские хозяйства Ф. С. Пьянкова,

Н.А. Цевловского, Н.П. Ермолаева, С. Здорика и др. [15]. Многочисленные случаи захвата земель частных владельцев, арендаторов казенных, войсковых участков были отмечены в Тобольской губернии. Например, 10 марта 1917 г. крестьяне «рубил лес, били людей охраны» в предпринимательском хозяйстве И. Г. Нифонтова. В этой ситуации владелец уехал в Омск, где обратился за помощью в органы государственной власти [16].

21 апреля 1917 г. Временное правительство, понимая всю важность земельного вопроса и осознавая неспособность исполкомов заниматься земельными делами, принимает постановление о создании земельных комитетов как государственных органов, работающих под руководством Министерства земледелия. Земельные комитеты должны были провести учет земельного фонда и подготовить проект аграрной реформы для Учредительного собрания [17].

Следует указать, что косвенно они могли препятствовать любым крестьянским земельным захватам, но на деле поддерживали требования крестьян в перераспределении конкретных земельных и лесных угодий [18]. Более того, в некоторых источниках и в литературе отмечается, что многие члены волостных земельных комитетов сами являлись активными участниками самовольных порубок леса и земельных захватов [2].

В первое время губернские земельные комитеты ограничивали свою деятельность выпуском всевозможных воззваний и обращений к населению, в которых говорилось о необходимости решения аграрного вопроса Учредительным собранием. Но со временем, для пресечения продолжавшихся захватов земли, комитеты вынуждены были принять ряд решений, призванных отрегулировать земельные отношения в переходный период и улучшить организацию сельскохозяйственного производства [19]. При этом отметим, что по решению Алтайского и Томского губернских комитетов, у частных владельцев, для обеспечения земель нуждающихся, изымались все земли, кроме тех, которые обрабатывались собственным инвентарем и скотом, без применения наемных рабочих. Причем и получающим лицам земли выделялось ровно столько, сколько они могли обработать силами своей семьи [20].

Однако губернские земельные комитеты в некоторых случаях стремились обеспечить и интересы арендаторов-предпринимателей, отменяя решения или запрещая самовольные действия местных земельных комитетов. Защищая интересы крупных сельских предпринимателей, которые имели овцеводческие хозяйства и конные заводы в Змеиногорском уезде, III сессия Алтайского губернского земельного комитета отвергла резолюцию председателя комитета Г. М. Чечуги о лишении этих хозяйств части долгосрочно арендованных земель. Более того, она приняла решение о неприкосновенности имеющихся у этих предпринимателей земельных площадей [10]. Томский губернский комитет в своем специальном постановлении особо подчеркивал необходимость оставления аренды за хозяйствами, имеющими питомники скота, опытные поля и другое культурное сельскохозяйственное производство [21].

Такая позиция губернских комитетов в целом соответствовала политике Временного правительства, особенно в отношении культурных хозяйств, которая была направлена на их поддержку и охрану от захватов и грабежа со стороны местного населения [21].

Но проблема была в том, что многие решения губернских земельных комитетов на местах не испол-

нялись. Более того, именно местные волостные земельные комитеты принимали решения об изъятии земельных угодий, сельскохозяйственного сырья и инвентаря в предпринимательских хозяйствах, признанных культурными. «Вмешательство уездных земельных органов, - по мнению В. М. Рыноква, - сводилось к попытке найти компромисс между интересами местного населения и правами владельцев и арендаторов земли. Именно поэтому захват ряда крупных частновладельческих хозяйств растянулся на несколько месяцев» [2].

В этом отношении показательна история с коннозаводчиками Томской губернии и Алтая, которые летом 1917 г. не смогли заготовить необходимого количества грубого корма для животных. Основной причиной этому было то, что крестьяне соседних деревень организованно занимали арендованные предпринимателями участки и скашивали сено [22]. Земельные органы в лице Кузнецкого уездного комитета, Томской губернской управы в этом вопросе поддержали крестьян. В итоге предпринимателям пришлось сокращать производство. К тому же постановления земельных органов о частичном возврате хозяевам сена, скошенного крестьянством с их участков, на практике не было выполнено [2].

Показательно и то, что располагавшиеся рядом поля государственного коннозаводства захвату со стороны крестьянства не подверглись и урожай на них даже не был полностью убран.

В данной ситуации примечательна и позиция волостных земельных комитетов, которые осенью 1917 г., несмотря на иное мнение в этом вопросе уездных комитетов, приняли ряд постановлений о немедленной ликвидации всех частных хозяйств в Кузнецком уезде. Тем самым были сведены на нет все попытки вышестоящих земельных органов по урегулированию отношений с частными владельцами [2].

Втянутыми в социально-экономические конфликты с волостными комитетами оказались и немецкие предприниматели Кулачинской волости Тюкалинского уезда Тобольской губернии. В марте 1917 г. владельцы 66 участков, расположенных на собственной и арендованной земле, постановили на своем съезде объединиться в административном отношении в самостоятельную волость [23].

По данным А. Э. Маттиса, на этих участках проживало 2100 человек и имелось на правах собственности и аренды 42 тыс. дес. земли [24]. Значительную часть этой земли занимали немецкие колонисты, которые смогли создать к 1917 г. средние по масштабам, но хорошо организованные предпринимательские хозяйства.

После революционных событий февраля 1917 г. немецкое население столкнулось с враждебным отношением к себе со стороны Кулачинского волостного комитета и местного крестьянства. Более того, подобное отношение распространялось не только на них, но и на русских землевладельцев и арендаторов названных 66 участков. Это свидетельствовало о том, что в основе конфликта между крестьянами, жившими на государственной земле, и предпринимателями Кулачинской волости лежали не столько национальные противоречия, сколько аграрный вопрос и социально-экономические различия [23].

Конфликтная ситуация привела к тому, что в июне 1917 г. частновладельцы и арендаторы отказались «от несения денежных платежей по всем мирским повинностям». В ответ на это Кулачинскому волостному старшине было запрещено исполнять деловые бумаги, относящиеся к частновладельцам, так же были

приостановлены все судебные дела. Учитывая сложность ситуации, сход немецкого населения волости постановил: «Ходатайствовать перед Тобольским губернским комиссаром о выделении наших участков в самостоятельную волость под названием «Бородинской», с целью создания «работоспособного волостного самоуправления, соответствующего мелкой земской единице» [25].

Социально-экономический конфликт между крестьянским населением и Кулачинским волостным комитетом, с одной стороны, и частновладельцами и арендаторами — с другой, был разрешен мирным путем только после вмешательства Тобольского губернского комиссара В. Н. Пигнатти. 24 июня 1917 г. общее присутствие Тобольского губернского управления постановило образовать с 1 июля 1917 г. из 66 участков самостоятельное сельское общество «Бородинское» и одноименную волость с местопребыванием волостного правления на участке Бородинском, выделив ее из Кулачинской [25].

К осени 1917 г. в Сибири было сформировано 8 губернских (областных) и 29 уездных земельных комитетов, которые имели программу аграрных преобразований. Эта программа включала в себя положения об отмене частной собственности на лес и землю, передачу земли в собственность всех граждан России без выкупа удельных, кабинетских, монастырских, церковных и частновладельческих земель, введение прогрессивного подоходного налога [2, 10].

Вся система земельных комитетов функционировала таким образом, что конкретные и необходимые для сельского сообщества решения принимались на волостном уровне. Уездные и губернские комитеты в значительной степени играли роль апелляционной инстанции [2, 26]. При этом волостные органы заняли ключевое место в регулировании аграрных отношений в сибирской деревне, приступив к разрешению земельного вопроса в интересах местного крестьянского населения. Санкционированная правительством установка на максимальное расширение площадей использования земельных угодий привела к стремлению перераспределить между потенциальными пользователями все ранее пустовавшие земли, невзирая на их юридический статус [27].

В изучаемый период «из-за общего распада правовых отношений» сельские предприниматели региона испытывали определенные трудности в ведении своих хозяйств. Практически у всех был дефицит рабочих. Но если эту проблему можно было решить путем привлечения труда военнопленных, киргиз, воинских команд, и такой положительный опыт имелся, да и властные структуры в этом вопросе шли навстречу, то большую опасность вызывало отсутствие у сельских предпринимателей гарантий со стороны земельных органов в том, «что их права не будут никем нарушены» и они «смогут собрать сделанный ими посев» [28]. По мнению многих предпринимателей, непостоянство местных земельных органов в земельных вопросах выступало сдерживающим мотивом не только к расширению посевных площадей, а даже к сохранению имеющегося посевного клина [29, 30].

Хозяйственные трудности периода демократических преобразований в России поставили с новой актуальностью вопрос создания в регионе представительной организации, которая защищала бы экономические интересы предпринимателей в аграрной сфере. В этом направлении сельскими предпринимателями были сделаны определенные шаги. Из источников известно, что в августе 1917 г. в Омском

окружном суде было зарегистрировано три устава сельских союзов — Куломзинского, Марьяновского и Москаленского. Эти организации создавались для «защиты интересов своих членов» и содействия в приобретении и сбыте продукции сельскохозяйственного производства.

Самым крупным по количеству участников был Куломзинский союз, объединивший до 200 крупных сельских предпринимателей, хозяйства которых тяготели к станции Куломзино Сибирской железной дороги. Председателем правления этого союза был избран А. Г. Франк, членами правления Ф. П. Букин и Г. П. Телегин. Основные средства союза на момент его образования состояли из паевых взносов и определялись суммой до 100 тыс. р. [31].

К сожалению, более подробной информации о деятельности сельских предпринимателей в рамках этих организаций как в Акмолинской области, так и в подбных объединениях в других районах Западной Сибири в нашем распоряжении нет.

В целом отметим, что к осени 1917 г. в Сибири завершается первый цикл земельных захватов, и большая часть стремившихся к расширению своих наделов крестьян получила прирезки. По мнению современных историков, в сельском сообществе региона изменений в лучшую сторону в этот период не наблюдалось, так как с этого момента более остро стали проявляться другие противоречия [2]. Среди сельских жителей все чаще наблюдались столкновения по линиям «переселенцы — старожилы», «земледельцы — скотоводы», «арендодатели — арендаторы», «демобилизованные солдаты — не служившие крестьяне» [32; 33]. При этом земельные органы по-прежнему занимали позицию общинников в противостоянии с владельцами частных сельскохозяйственных предприятий или коммерческими пользователями казенных угодий [34]. В результате развернувшихся стихийных аграрных преобразований в сибирской деревне наблюдалось дальнейшее усиление социального на-пряжения.

После свержения самодержавия перед разными группами сибирского сельского населения стоял один очень важный вопрос, от решения которого зависело их будущее. Сибирское крестьянство не прочь было увеличить и качественно улучшить свои земельные наделы. Сельские предприниматели стремились сохранить свои хозяйства и налаженное в них сельскохозяйственное производство. И те, и другие так же мечтали о поддержке со стороны местных и центральных властей, так необходимой для успешного ведения хозяйства.

В сельском локальном сообществе новые органы власти были готовы к компромиссу, делали некоторые шаги для того, чтобы снять наиболее острые противоречия в сибирской деревне. Но к концу лета ситуация осложнилась, вышла из под контроля региональной администрации и уже напрямую стала зависеть от позиции и действий местных органов, сформированных крестьянами [2]. При этом вышестоящие земельные органы могли только санкционировать решения местных о наделении крестьян земель, захваченной у казны или у крупных сельских предпринимателей.

Библиографический список

1. История Сибири с древнейших времен до наших дней. В 5 т. Т. 3. Сибирь в эпоху капитализма. — Л., 1968. — С. 488.
2. Аграрные преобразования и сельское хозяйство Сибири в XX веке. Очерки истории / Отв. ред. В. А. Ильных. — Новосибирск, 2008. — С. 14, 37 — 38, 42, 44 — 45, 48, 110 — 111.

3. Якимова, Т. В. Представления крестьян о путях решения земельного вопроса в Сибири в 1917 г. / Т. В. Якимова // Хозяйственное освоение Сибири. История. Историография. Источники. — Томск, 1991. — Вып. 1. — С. 49 — 50, 53
4. Первый крестьянский съезд в г. Томске. 25 — 28 марта 1917 г. Протоколы и резолюции съезда. — Томск, 1917. — С. 5 — 6
5. Крестьянская газета. — Тобольск, 1917. — 10 августа.
6. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Р-934. Оп. 1. Д. 14. ЛЛ. 13, 74.
7. Сборник указов и постановлений Временного правительства. — Пг., 1917. — Вып. 1. — С. 9 — 10.
8. Буянова, Л. Л. Социальные стратегии крестьянства Западной Сибири в революции 1917 г. (по материалам крестьянских съездов) / Л. Л. Буянова // Сибирское общество в период социальных трансформаций XX в. : материалы Всероссийской научной конференции. — Томск, 2007. — С. 210 — 211.
9. Якимова, Т. В. Крестьянство Томской губернии в самоуправлении в 1917 г. / Т. В. Якимова // Гражданское общество и региональное развитие : материалы научно-практической конференции, 22 апреля 1994 г. — Томск, 1994. — С. 36.
10. Иванцова, Н. Ф. Западносибирское крестьянство в 1917 — первой половине 1918 гг. / Н. Ф. Иванцова. — М., 1993. — С. 85, 89, 94, 95.
11. Бабилова, Е. Н. К истории создания народных собраний Томской губернии в 1917 году / Е. Н. Бабилова // Революционное движение в Сибири и на Дальнем Востоке / Под ред. В. С. Флерова. — Томск, 1970. — Вып. 6. — С. 138 — 140.
12. Крестьянский союз 1917 года. — Томск, 1917. — 18 мая.
13. ГАТО. Ф. 3. Оп. 23. Д. 288. Л. 3.
14. Центр документации новейшей истории Омской области (ЦДНИОО). Ф. 19. Оп. 1. Д. 134. ЛЛ. 38, 90.
15. ГАТО. Ф. Р-934. Оп. 1. Д. 9. ЛЛ. 3, 5об.
16. Горюшкин, Л. М. Крестьянское движение в Сибири 1914 — 1917 гг. Хроника и историография / Л. М. Горюшкин, Г. А. Ноздрин, А. Н. Сагайдачный. — Новосибирск, 1987. — С. 125.
17. Государственное учреждение Омской области «Исторический архив Омской области» (ГУ Иса). Ф. Р-1111. Оп. 1. Д. 1а. Л. 11.
18. Боженко, Л. И. Крестьянские земельные комитеты Западной Сибири в 1917 году / Л. И. Боженко // Вопросы аграрной истории Урала и Сибири. — Свердловск, 1966. — Т. 38. — С. 321 — 322.
19. Рынков, В. М. Томский губернский земельный комитет: эволюция состава и основных направлений деятельности (апрель 1917 — март 1918) / В. М. Рынков // Государство и общество Сибири XVII — XX веков : сборник научных трудов / Отв. ред. М. В. Шиловский. — Новосибирск, 2008. — С. 152 — 155.
20. ГАТО. Ф. 240. Оп. 1. Д. 169. Л. 125об.; Ф. Р-935. Оп. 1. Д. 1. ЛЛ. 5 — 7.
21. ГАТО. Ф. Р-935. Оп. 1. Д. 1. ЛЛ. 7, 18.
22. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1788. Оп. 2. Д. 67. ЛЛ. 91 — 91об.
23. Вибе, П. П. Немецкие колонии в Сибири: социально-экономический аспект / П. П. Вибе. — Омск, 2007. — С. 126.
24. Маттис, А. Э. Политика Временного правительства и самоорганизация немецких колонистов в Сибири / А. Э. Маттис // Региональные процессы в Сибири в контексте российской и мировой истории. — Новосибирск, 1998. — С. 140.
25. История и этнография немцев Сибири / Сост. и науч. ред. П. П. Вибе. — Омск, 2009. — С. 196 — 197.
26. ГУ Иса. Ф. Р-1111. Оп. 1. Д. 1а. ЛЛ. 38 — 40об.
27. ГАТО. Ф. 240. Оп. 1. Д. 169. Л. 125об.
28. Омский вестник. — 1917. — 6 (19) мая.
29. Омский телеграф. — 1917. — 7 сентября.
30. Сибирская речь. — Омск, 1917. — 7 (19) июня.
31. Омский вестник. — 1917. — 23 августа (5 сентября).
32. ГУ Иса. Ф. 67. Оп. 2. Д. 2667. Л. 51; Р-19. Оп. 1. Д. 54. ЛЛ. 20, 33об.
33. Кротт, И. И. Конфликтное поведение в сельском сообществе Сибири: к вопросу о бытовом национализме киргиз и пред-

принимателей в период социальных трансформаций конца XIX — первой четверти XX вв. / И. И. Кротт // Казахстан и современный мир: актуальные проблемы истории и общественно-политического развития (к 20-летию обретения независимости Республики Казахстан) : материалы международной научно-практической конференции. 22 — 23 апреля 2010 г., г. Семей / Гл. ред. Ж. К. Туймебаев, Б. М. Сапарбаев. — Семей, 2010. — Т. 1. — С. 118 — 121.

34. Рынков, В. М. Земельные органы в Сибири в период революционных преобразований 1917 — 1919 гг. / В. М. Рынков // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспек-

тивы развития : материалы VII Международной научно-практической конференции. — Омск, 2008. — Ч. 1. — С. 290.

КРОТТ Иван Иванович, кандидат исторических наук, доцент (Россия), доцент кафедры отечественной истории.

Адрес для переписки: e-mail: ivkrott@mail.ru

Статья поступила в редакцию 13.10.2010 г.

© И. И. Кротт

УДК 94(571.1) «1920/30»

О. А. ОЗЕРОВА

Омский государственный педагогический университет

БОРЬБА ЗАПАДНОСИБИРСКОГО ПАРТИЙНОГО РУКОВОДСТВА С ПРОЯВЛЕНИЯМИ НАЦИОНАЛИЗМА И ШОВИНИЗМА СРЕДИ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ (1928—1936 гг.)

Статья посвящена актуальной проблеме национализма и шовинизма среди тюркских народов в Западной Сибири в период 1928—1936 гг. Главное внимание в работе уделяется борьбе партийного руководства края с негативными явлениями (великодержавный шовинизм, национализм) среди коренного населения, препятствующих построению социализма. Рассматриваются механизмы пресечения шовинизма и национализма партийным руководством края как к проявившим их по отношению к представителям тюркских народов, так и внутри этнических групп.

Ключевые слова: чрезвычайная политика, тюркские народы, шовинизм, национализм.

В Западной Сибири с началом чрезвычайной политики (январь 1928 г.), выразившейся наступлением Советской власти на зажиточную часть крестьянства, обострились не только противоречия между богатыми и бедными, но и национальная вражда, и великодержавный шовинизм в деревнях, аулах и юртах со смешанным населением. Ситуация усугублялась, если зажиточные крестьяне были одной национальности, а батраки, работающие в их хозяйствах, другой. Определенной частью партийных и советских работников районного уровня рекомендовалось формировать бригады, занимающиеся изъятием спрятанных излишков зерна у кулаков, из беднейших слоев населения по национальным признакам. Зачастую бригады, созданные из мусульман, конфисковали найденный хлеб у русских и наоборот. Непродуманная политика и методы хлебозаготовок усилили национальную вражду и великорусский шовинизм, ставшие серьезной проблемой не только для народов Западной Сибири, но и для руководства Сибкрайкома ВКП(б), выполнявшего решения ЦК ВКП(б) по проведению национальной политики в жизнь. Для исправления создавшегося положения в округах и национальных районах края Сибкрайком ВКП(б) возложил функции контроля на партийную контрольную комиссию, созданную при крайкоме ВКП(б). В конце 20-х — начале 30-х годов её возглавлял Ф.Ф. Ляксуткин, а затем Л.А. Папардэ. Возросли требования к назначаемым на должности председателей окружных

и районных контрольных комиссий. Председателей районных комиссий утверждали на заседаниях окружных. Вся отлаженная структура контроля снизу доверху работала под пристальным вниманием ЦКК ВКП(б). В контрольных комиссиях рассматривались персональные дела коммунистов, обвиненных в великодержавном шовинизме или национализме. На основании выводов комиссий выносились выговоры, следовало исключение из рядов партии и освобождение от занимаемой должности. В 1928 — 1936 гг. наибольшее количество дел было рассмотрено в Омской области. Партийное руководство это объясняло тем, что мусульман здесь проживает больше, чем в других областях края. Большую огласку получило «дело» Мажарова Д. А., члена партии, агротехника третьего участка по обслуживанию казахских колхозов Селивановской МТС (район не указан) Омского округа. Контрольная комиссия райкома ВКП(б) обвинила его в том, что он «с колхозниками-националами был очень груб», штрафовал их, называл лодырями, пользуясь служебным положением снимал бригадиров. Д. Мажаров был исключен из рядов партии и снят с должности. Ему был навешан ярлык «шовиниста» [1]. «За грубость, за проявления великодержавного русского шовинизма» по отношению к жителям татарской деревни Чепляровой был исключен из рядов ВКП(б) и освобожден от занимаемой должности секретаря Новологиновского сельсовета (Тарский район, Тарский округ) Кирсагов В.В. [2]. В этом

же округе уполномоченные земельного отдела райисполкома в русском и татарском колхозах для увеличения пахотных земель разделили их так, что русским достались луга, а татарам — участки, поросшие лесом, которые они были вынуждены выкорчевывать [3]. Для предотвращения негативных явлений Тарский Окрисполком потребовал от работников райисполкома серьезного отношения к работе среди национальных меньшинств, составляющих двадцать процентов населения округа [4]. В свою очередь Омский ОК ВКП(б) разработал письма-рекомендации для районных комитетов партии. В одном из них говорилось, что лишать прав казахов «надо осторожно, так как у этой национальности свои обычаи» [5].

В 1929—1930 гг. Сибкрайком ВКП(б) направлял в сельскую местность с тюркоязычным населением для оказания помощи в деле строительства колхозов ленинградских рабочих из числа двадцатитысячников. По прибытии на места назначения они активно взялись за работу, используя методы революционной борьбы. Вскоре выяснилось, что без знаний языка и учета национальных особенностей личных примеров и преданности партии в работе с коренным населением недостаточно. Однако сбой в работе ленинградцев партийные организации объясняли националистическими настроениями кулаков по отношению к русским. Например, Чемальский РК ВКП(б) в документе, направленном в Ойротский ОК ВКП(б), оправдывая действия рабочих-коммунистов Дорофеева и Разыграева, указывал, что против «Дорофеева была создана склока, кулаки стали его травить, а Разыграев даже пытался покончить жизнь самоубийством» [6]. В результате ошибки, допущенной партийным руководством, которое направило на сложную работу неподготовленных людей, часть ленинградских рабочих была вынуждена «из национальных районов уехать обратно» [6]. В 1930 г. многие руководители райкомов партии и райисполкомов направляли в деревни, аулы и юрты русских уполномоченных, обманом заманивающих в колхозы коренное население, обещая ему «бани, ясли, еду» [7]. Невыполнение планов строительства колхозов в короткие сроки, запланированные окружками партии, скрыть от общественности не удалось. Оно стало предметом бурных обсуждений и даже обвинений в адрес руководства Сибкрайкома и окружкомов ВКП(б) на проходивших партийных в крае конференциях. Так, выступая на Третьей Черлакской районной партийной конференции (Омский округ) 16 марта 1930 г., Никитин, член ВКП(б), рассказал присутствующим о том, как перед поездкой по казахским аулам и татарским деревням с целью организации коммун районное начальство советовало ему «объединять все до курицы» [8]. На V Сибирской краевой партийной конференции (май 1930 г.) делегаты Гордиенко и Бочков рассказали, что в Ойротии в коллективные хозяйства крестьян записывали насильно. Так, в аймаке арестовали 170 человек алтайцев, «темных, некультурных, не знающих сельского хозяйства» за то, что они не захотели в них входить. А в колхозах алтайцы подвергались брезгливому отношению и насмешкам со стороны русского населения, что вызвало у них недоверие, отчужденность и обиду [9, с. 326]. В результате непродуманных методов и слабого контроля со стороны руководства Сибкрайкома ВКП(б) в национальных районах края Шории, Хакасии и Ойротии коллективизация (начало 1930 г.), проведенная без учета национальных обычаев и традиций, «давшего возможность проявлениям шовинистической линии» [9,

с. 245—246], была провалена. Факты нарушений при проведении коллективизации в Ойротии подтвердила краевая контрольная комиссия. В результате секретарь Ойротского обкома ВКП(б) Нелюбин был исключен из рядов ВКП(б) и освобожден от должности, а областной комитет ВКП(б) распущен [10].

В 1933—1934 гг. в Западной Сибири произошло наибольшее количество случаев проявления великодержавного русского шовинизма и национализма среди тюркских народов. За допущение конфликтов на межнациональной почве руководители райкомов и райисполкомов несли персональную партийную ответственность, которая была особенно строгой. Поэтому они скрывали их, сводя к простому хулиганству. Например, избивание казаха-колхозника бригадиром фермы № 1 Маслянинского района Новосибирского округа Цирюльниковым, представленное дракой на бытовой почве [11]. В 1934 г. в племсовхозе «Овцевод» (Любинский район Омского округа) были избиты казахи. Руководство райкома партии решило квалифицировать данный случай не как проявление великодержавного русского шовинизма, а как хулиганскую драку. Казахи подали коллективную жалобу в Омский окружком партии. В связи с этим Любинский РК ВКП(б) вынужден был создать специальную комиссию, которая в результате расследования установила, что в «побоище» казахов участвовали директор совхоза Олейник и председатель рабочкома Чиняев. При этом уточнялось, что «Олейник наносил удары казахам лопатой, а Чиняев ухватом». Также ею были установлены истинные причины межнационального конфликта, которые не были доведены до сведения рядовых коммунистов и рабочих совхоза (исключительно плохие условия проживания казахов, отказ принимать их детей в ясли, гонение из столовой, выдача им хлеба в последнюю очередь). На основании выводов комиссии бюро Любинского райкома партии приняло постановление, в котором требовалось подготовить и выступить с докладами по национальной политике партии в населенных пунктах (особенно в национальных совхозах), улучшить медицинское обслуживание национальных меньшинств, а также их жилищно-бытовые условия, обеспечить отпуск мяса на льготных условиях, награждать казахоударников; в районной газете, стенгазетах и многотиражках публиковать статьи, разоблачающие любое проявление шовинизма, прокурору Васильеву немедленно реагировать на заявления и жалобы казахов, а также проверить в аппаратах милиции и суде материалы о фактах проявления великодержавного шовинизма и обеспечить их рассмотрение через народный суд, привлечь к ответственности начальника милиции Руденко, а милиционера Карпа, который был свидетелем, но не противодействовал избиванию казахов, из рядов ВЛКСМ исключить «за проявления шовинизма». В целях успокоения общественного мнения и поднятия авторитета партийного руководства района среди казахского населения дела Олейника и Чиняева были переданы в отдел милиции и квалифицированы как уголовные [2, с. 37—38]. В селах Бастоне, Веселом, Дубраве, Михайловском в Волочихинском районе Славгородского округа произошли массовые избивания казахов, необоснованные аресты, конфискация у них имущества. Руководители районного управления милиции во главе с начальником РУМ Ивачевым «встали на путь прямого укрытия всех творимых в отношении казахов безобразий» [12]. О великодержавных выходках стало известно только благодаря жалобе в партийную контрольную комиссию края. Дело при расследовании приобрело полити-

ческую окраску и виновные были привлечены к ответственности [12], так как по мнению большей части общества «виновники извращения национальной политики» и лица, распространяющие «теорию», которая оскорбляет национальное достоинство коренного населения Сибири должны привлекаться к суду [13].

Запсибкрайком ВКП(б) постоянно требовал от окружкомов партии, а также от Шории, Хакасии и Ойротии сведений о конфликтах на почве межнациональной розни и мероприятиях, направленных на выявление лиц, склонных к шовинизму и национализму. В справке Ойротского ОК ВКП(б) приводилось высказывание «шовинистически настроенных граждан», распространяющих слухи о том, что «интеллект и ум ойротского ребенка является пониженным и что он нуждается в особой и пониженной (школьной) программе» [14]. Сталинский РК ВКП(б) (Кузнецкий округ) сообщал, что русские сотрудники первого участка комендатуры «допустили возмутительный шовинистический поступок», пользуясь своим служебным положением «поздно ночью явились в 28-квартирный дом к рабочим-казахам строительного прокатного цеха и потребовали немедленного выселения из дома с детьми и со всем скарбом». Выселенных 53 человек поместили в холодное помещение, которое не отапливалось [15]. В информационной сводке по итогам первого полугодия 1934 г., отправленной Омским ОК ВКП(б) в Запсибкрайком партии, сообщалось о имеющихся фактах «великодержавного русского шовинизма» не только в районах, но и «в учебных заведениях Омска» [16]. В свою очередь, окружкомы ВКП(б) требовали от райкомов партии также отчетов о нарушениях на межнациональной основе. Так, Называевский райком ВКП(б) сообщал, что в районе на базаре были избиты и подверглись издевательствам казахи колхоза имени Рыскулова. В справке Исылкульского райкома партии сообщалось об избии казахов фермы Мокшинского совхоза. В ней говорилось, что в пятидневный срок будут закончены расследования дел и приняты по отношению к виновным жесткие меры, а по итогам процесса над организаторами и участниками избия казахов будет проведена разъяснительная работа, как среди русского, так и казахского населения [17]. Проявления великодержавного шовинизма по отношению к казахам имели место в Шербакульском, Любинском, (Омский округ), Купинском (Барабинский округ) районах и других. Об этом заявил в докладе на Второй западносибирской партийной конференции (январь 1934 г.) председатель краевой партийной контрольной комиссии Л.А. Папардэ, обвинивший руководителей этих районов в слабой работе по пресечению национализма и борьбе с шовинизмом, проявлении недостаточной бдительности по отношению «к контрреволюционным попыткам классового врага» и допущения «ряда фактов издевательства над казахами» [18].

В конце 20-х начале 30-х годов в результате раскулачивания зажиточной части крестьянства его беднейший слой, батраки, превратились в безработных. Они были вынуждены искать себе работу в городе — на стройках, заводах и в шахтах. Вместе с ними мигрировали и кулаки, спасаясь от преследования местных властей. Однако на новых местах проживания они столкнулись не только с великорусским шовинизмом, но и с национализмом со стороны своих тюркоязычных же рабочих. Происходили частые драки и насилия на межнациональной почве. Даже среди татар ходила поговорка, сказанная в свое время писателем Ангамом Атбаевым, о том, что «легко быть тата-

рином в Казани — попробуй им быть в Уфе» [19]. Партийным комитетам «постоянно приходилось держать в поле зрения вопросы взаимоотношений рабочих разных национальностей» [20]. Для пресечения великорусского шовинизма они вынуждены были выстраивать более жесткую, чем к националистическим проявлениям позицию (например, прибегать к проведению показательных товарищеских судов, увольнять с предприятия или отдавать в следственные отделы милиции) [20].

Серьезной проблемой для Запсибкрайкома ВКП(б) стали массовые увольнения рабочих тюркских народов с шахт истроек Кузнецкого округа. Например, в конце 1932 г. на Тельбейском руднике (Кузнецкий округ) работало 25 шорцев, а к апрелю 1933 г. их осталось всего восемь человек [21]. В связи с этим была назначена комиссия, которая выявила на руднике нарушения и к другим национальностям: «обсчеты рабочих-казахов, назначение им меньшей зарплаты, чем русским, установление второй очереди в выплате зарплаты, задержание при приеме в профсоюз, антисанитария в бараках». На шахтах Ленинского рудника этого же округа работало несколько бригад казахов, которые неоднократно обращались к руководству предприятия с просьбой об улучшении бытовых условий. Но им было отказано [12]. В домах 9-го строительного участка горстройтреста милиция Новосибирска бездоказательно и без санкций прокурора часто производила «ночные налеты с обысками в бараках рабочих-казахов» [11]. Призванные вести контроль и наблюдение за выполнением программы по национальной политике ЦК ВКП(б) партийные руководители на местах зачастую боялись конфликтовать с администрациями предприятий, так как зависели от них материально, и поэтому нацменьшинства оказывались беззащитными. При заселении в коммунальную квартиру, где кухня, санузел были рассчитаны на 3-4 семьи, не учитывали национальных особенностей жильцов, в связи с чем возникали частые конфликты между семьями на бытовой почве с признаками национализма и шовинизма. Так, семья рабочего Емельяновской шахты (Кузбасс) Маная Гафитулина, татарина, подвергалась постоянным нападкам и издевательствам со стороны русских соседей Бокowych и Добровских. Жалобы, поданные М. Гарифулиным в администрацию шахты, остались без внимания, и он был вынужден обратиться в редакцию газеты «за защитой от распоясавшихся шовинистов» [12]. Анжеро-Судженский горсовет Кемеровского округа в течение трех лет не смог построить ни одной детплощадки и открыть ни одного медицинского пункта в жилом массиве микрорайона, где проживали семьи горняков рабочих-мусульман [13]. На Омской железнодорожной станции Куломзино рабочему-казаху (фамилия в документе не указана) в период его болезни администрацией было отказано в материальной помощи [22]. Данные факты указывали на слабую работу партийных организаций с национальными кадрами и «явно шовинистическое издевательское отношение к казахам» [12].

По глубокому убеждению ЦК ВКП(б), только при достижении мира и согласия между народами можно было построить социализм в стране и доказать Западу преимущество советского строя перед капиталистическим. Об этом сказал И.В. Сталин, выступая на совещании хлопкоробов 4 декабря 1935 г.: «Есть, товарищи, одна вещь более ценная, чем хлопок, — это дружба народов нашей страны...Пока эта дружба существует, народы нашей страны будут свободны и непобедимы» [23, с. 156]. Но для этого необходимо

было воспитать стандартного советского человека-интернационалиста независимо от его национальной принадлежности. С этой целью Запсибкрайком ВКП(б) подготовил и разослал материалы в окружкомы, обкомы партии и национальные районы для пропагандистской работы по национальным вопросам. Лекторские группы в аулах и деревнях, выступая перед крестьянами, использовали заранее заготовленные подборки, в которых непременно говорилось, что «государственное оформление СССР производилось под руководством великого Сталина», который «развил и поднял на высокую ступень марксистско-ленинскую теорию национального вопроса, поставил и разрешил конкретные проблемы национального строительства», а Сталинская конституция, открывала «новый этап расцвета советского демократизма», еще более цементируя «великую дружбу национальностей, завязанную в жестокой борьбе с классовыми врагами, с контрреволюционными националистами, великодержавными и местными шовинистами» [24]. В лекциях назывались фамилии рабочих из тюркских народов, ставших ударниками-стахановцами (шахтер-забойщик Г. Зайнутдинов (Прокопьевск), стахановец Салахутдинов (Новосибирск), животновод-орденоносец Тырпан Мазаев (Ойротия), передовой председатель казахского сельсовета Кунаев (Омск), поэт Чистяков (Шория) и другие) [24]. Начиная с середины 30-х годов на конференциях и собраниях, от районных до краевых, выступающим из числа тюркоязычных докладчикам предлагалось в обязательном порядке выразить свое доверие к правильности генеральной линии ЦК ВКП(б) и лично И.В. Сталину. Так, на Второй сессии ВЦИК XVI созыва (1936 г.) председатель Баунжансорского сельсовета Благовещенского района Новосибирской области Абдул Сакенович Кунаев сказал, что казахи добились огромных успехов и выполнения плана 1935 г. только благодаря руководству Сталина и краевого центра [25].

Номенклатурный подбор из числа русских, направленных райкомами партии на должности председателей колхозов и сельсоветов, подрывал национальное достоинство коренного населения. Это было отмечено делегатами V партийной конференции Сибири (1930 г.) и совещания западносибирского крайисполкома [9, с. 248]. Например, в колхозе «Красный Изылбаш» (Черлакский район, Омская область) председателем сельсовета работал Веприцкий [26]. В Калтайском сельсовете (Томский район, Томский округ), где проживало семьдесят процентов татар, председатель и секретарь были русские [27]. В связи с этим в 30-х годах общественность выражала недовольство по случаю недостаточного числа выборности на руководящие должности и участия в работах партийных, советских конференций и собраний представителей тюркских народов. На Первой районной партийной конференции Марьяновского района (Омская область) (14.03.1935 г.) прозвучала критика в адрес райкома партии за то, что в списке, состоявшем из 57 делегатов, не было «ни одного казаха, ни одного татарина» [28].

В 1928 — 1936 гг. руководство окружкомов и обкомов ВКП(б) особенно тщательно подбирало кадры на должности первых секретарей райкомов партии и председателей райисполкомов. Как правило, в районах компактного проживания тюркского населения ими назначались русские, вторыми секретарями и заместителями председателей — представители коренного населения. В Омской области (1936 г.) из 79 районов только в Упоровском, Шербакульском и Тарском на должностях секретарей РК ВКП(б) работали му-

сульмане [29]. Казахи не допускались (негласно) к руководящим должностям и одним из условий была женитьба на русскоязычных, как признак верности [30]. По этому поводу с резкой критикой в адрес Омского обкома партии выступил секретарь Шербакульского района Гуисов, за что получил ярлык «защитника казахов», был исключен из рядов ВКП(б) и снят с должности [31]. В партийных и советских кругах Западно-Сибирского региона шовинизм и национализм рассматривались как искривление генеральной линии ЦК ВКП(б) и относились к разряду главных опасностей в деле построения социализма.

Таким образом, в 1928 — 1936 гг. руководство окружкомов, обкомов ВКП(б) и райкомов партии в национальных районах, боявшееся наказания за невыполнение решения ЦК ВКП(б), а вовсе не из-за любви к тюркскому народу, активно боролось с проявлениями великодержавного русского шовинизма и национализма. Корни национализма и его крайней формы проявления — шовинизма не изжиты до конца и в редких случаях, но проявляются. В Омске (2003 г.) неоднократно перерезались электрические и телефонные кабели, подведенные к зданию РНКАТ (региональная национально-культурная автономия татар Омской области), неизвестными лицами был устроен поджог [19]. Шовинистическим и националистическим поискам отдельных субъектов общество выставляет заслон. Во время встречи (2004 г.) президента страны В.В. Путина с председателем Совета муфтиев России Равилем Гайнутдиновым прозвучало, что Россия является также и мусульманской страной [32]. Долг каждого человека отстаивать интересы свои и своего народа, бороться с проявлениями шовинизма и национализма для сохранения мира и спокойствия.

Библиографический список

1. ЦДННОО. Ф. 18. Оп. 2. Д. 16. Л. 60 — 61.
2. ЦДННОО. Ф. 3057. Оп. 1. Д. 25. Л. 58.
3. ЦДННОО. Ф. 940. Оп. 3. Д. 56. Л. 21.
4. ТФ ГУ ИСА. Ф. 228. Оп. 1. Д. 28. Л. 64.
5. ГУ ИСА. Ф. 28. Оп. 1. Д. 145. Л. 103.
6. В Ойротской автономной области // На ленинском пути. — Новосибирск, 1931. — № 3 — 4. — С. 33.
7. Выступление Бочкова на 5-й Сибирской краевой конференции ВКП(б) // Красное знамя. — Томск, 1930. — 27 мая.
8. ЦДННОО. Ф. 7. Оп. 6. Д. 82. Л. 3.
9. Стенографический отчет V Сибирской краевой партийной конференции ВКП(б). — Новосибирск: Сибкрайиздат, 1930. — 750 с.
10. Ойротский округ // Рабочий путь. — Омск, 1930. — 10 марта.
11. Вильсон, М. Сильнее огонь по проявлениям великодержавного шовинизма / М. Вильсон // Советская Сибирь. — 1933. — 26 апреля.
12. Сильнее огонь против великодержавного и местного шовинизма // Советская Сибирь. — 1933. — 11 августа.
13. Бекбулатов. Ойротский урок / Бекбулатов // Рабочий путь. — Омск, 1930. — 11 апреля.
14. Хабаров, Н. С. Развитие и укрепление животноводства — боевая задача парторганизации Ойротии / Н. С. Хабаров // Советская Сибирь. — 1934. — 13 января.
15. Прокурор Пилюшенко // Советская Сибирь. — 1934. — 4 июня.
16. ЦДННОО. Ф. 3057. Оп. 1. Д. 30. Л. 137.
17. ЦДННОО. Ф. 3057. Оп. 1. Д. 37. Л. 79.
18. Доклад Л. А. Папарде на Второй краевой партийной конференции (1934 г., январь) // Советская Сибирь. — 1934. — 27 января.
19. Сайганова, Р. Деятельность РНКАТ день за днем / Р. Сайганова // Татарский мир. — Омск, 2004. — № 1 (март).

20. Гашкова, Н. А. Участие трудящихся нерусских национальностей и иностранных рабочих в создании электроэнергетической базы Западной Сибири в годы первых пятилеток (1928 – 1937) / Н. А. Гашкова. // Вопросы историографии и общественно-политической истории Сибири; ред. В. М. Самосудов. – Омск: ОГПИ, 1990. – С. 154.

21. Почему шорцев нет на горном руднике? // Советская Сибирь. – 1933. – 1 апреля.

22. ЦДНПО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 844. Л. 66.

23. Емельянов, Ю. В. Досье без ретуши. Сталин: на вершине власти / Ю. В. Емельянов. – М.: Вече, 2002. – 544 с.

24. Созвездие национальностей // Советская Сибирь. – 1936. – 15 ноября.

25. Вторая сессия ВЦИК XVI созыва. Речь тов. Кунаева, председателя Баунжансорского сельсовета Благовещенского района // Советская Сибирь. – 1936. – 6 февраля.

26. Председатель сельсовета Веприцкий // Большевик. – Черлак (Омская область), 1934. – 18 мая.

27. Выделить нацменовские сельсоветы // Красное знамя. – Томск, 1930. – 6 ноября.

28. ЦДНПО. Ф. 3057. Оп. 1. Д. 222. Л. 15.

29. ЦДНПО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 1314. Л. 34.

30. Шигиреккереев, Б. Казахи в России на фоне русских в Казахстане / Б. Шигиреккереев. // Мусульмане Омского Прииртышья на пороге тысячелетия: сборник документов. – Омск, 2003. – С. 197.

31. ЦДНПО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 1407. Л. 29 – 31, 33.

32. Гайнутдин, Р. Россия – это и мусульманская страна / Р. Гайнутдин. // Татарский мир. – Омск, 2004. – № 1 (март),

ОЗЕРОВА Ольга Алексеевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, социологии, политологии.

Адрес для переписки: e-mail: ozerov26@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 19.04.2011 г.

© О. А. Озерова

УДК 94(47). 083 : 323.272

А. А. ЦИНДИК

Институт ветеринарной медицины
Омского государственного
аграрного университета

В. И. ЛЕНИН О БОЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПОДПОЛЬЯ В РОССИИ

Данная статья раскрывает отношение В.И. Ленина к боевой работе российских революционеров в начале XX века. Рассматривается деятельность боевых организаций социал-демократов, социалистов-революционеров и анархистов, формы и методы их работы.

Ключевые слова: боевая работа, террористические акты, экспроприации.

В начале XX века Россия переживала всплеск революционного экстремизма со стороны политических партий радикального типа. Боевая работа, боевые организации и группы являлись неотъемлемой частью революционного движения. Боевики были у социал-демократов, у эсеров, у анархистов и у представителей некоторых национальных партий. «Работа» боевых групп включала в себя индивидуальный политический террор, охрану собраний, митингов, демонстраций от полиции, добывание оружия и денег, экспроприации (нередко сопровождавшиеся человеческими жертвами), операции по освобождению революционеров из тюрем, акции по ликвидации доносчиков, провокаторов и другие действия.

Все эти операции осуществляли специальные боевые подразделения. Нередко они именовались «легучими» отрядами, так как перебирались в силу необходимости из одного населённого пункта в другой. Представители РСДРП, ПСР, анархистов и других революционных партий и групп применяли на практике все указанные выше боевые операции и нередко действовали сообща. Но в то же время делались разные акценты по поводу целесообразности тех или иных видов боевой деятельности, устраивались дискуссии по этому поводу на страницах

партийных газет и журналов. Здесь играли роль политические мотивы и программные установки, выработанные на партийных съездах или конференциях.

Естественно, что вождь российского пролетариата не мог быть в стороне от этого вопроса. Боевая работа имела для В.И. Ленина и личные мотивы – его старший брат Александр Ульянов был казнён в 1887 г. за подготовку террористического акта против императора Александра III. Цель данной статьи заключается в попытке исследовать эволюцию ленинских взглядов по данной проблеме, так как его оценки боевой работы не были постоянными, а изменялись в зависимости от политических реалий того времени.

Обращение Ленина к боевой работе произошло уже в начале его революционной деятельности. Находясь в ссылке в Шушенском, он написал статью «Задачи русских социал-демократов», впервые напечатанную в 1898 г. в Женеве. В этой работе В.И. Ленин затрагивает вопрос, связанный с деятельностью будущих боевых групп. В частности, он отмечает: «Нужны корреспонденты со всех фабрик и заводов, доставляющие сведения о всех происшествиях. Нужны люди, следящие за шпионами и провокаторами. Нужны устроители конспиративных квартир» [1]. Заметим,

что вопрос об устранении шпионов и провокаторов пока не ставится, но слежка за ними, по мнению Ленина, необходима.

Проблемы террора Ленин касается в 1902 г., ещё до взрыва революционного насилия в стране в годы первой российской революции. В боевой работе революционного подполья именно по отношению к террору наблюдалось главное различие у представителей разных политических партий. Полемизируя с идеологами партии социалистов-революционеров, продолжавших, как известно, тактику народовольцев, В.И. Ленин пишет: «Соц.-рев. наивно не замечают того, что их склонность к террору связана самой тесной причинной связью, с тем фактом, что они с самого начала стали и продолжают стоять в стороне от рабочего движения, не стремясь даже сделаться партией ведущего свою классовую борьбу революционного класса ...» [2].

В многочисленных публикациях 1900-х гг. Ленин постоянно критикует эсеров за их приверженность политическому террору. Например, после столкновений ростовских рабочих с полицией в 1902 г. В.И. Ленин пишет, что надо: «... не создавать посредством выстрелов поводы для возбуждения, ... а научиться обрабатывать, использовать, брать в свои руки тот материал, которого слишком достаточно даёт российская жизнь, — вот задача, единственно достойная революционера» [3, с. 60].

Позиция Ленина предельно ясна — только массовое пролетарское движение с использованием широкомасштабной агитации принесёт успех в будущей революции. Отсюда вполне логично выглядел большевистский Проект резолюции о терроре, подготовленный Лениным в период работы II съезда РСДРП (июль 1903 г. Брюссель — Лондон): «Съезд решительно отвергает террор, т.е. систему единичных политических убийств, как способ политической борьбы, в высшей степени нецелесообразный в настоящее время, отвлекающий лучшие силы от настоящей и настоятельно необходимой организационной и агитационной работы ...» [3, с. 251]. Однако, отвергая террор, В.И. Ленин не отказывается от него вообще, а только в настоящее время. Доказательством этому служит его более раннее высказывание: «Принципиально мы никогда не отказывались и не можем отказаться от террора, ...» Но для этого, по его мнению, нужны соответствующие условия, которые сейчас в России отсутствуют [4].

Осуждая единичный политический террор, Ленин не отрицает боевой работы вообще, а даже наоборот, уделяет ей всё больше внимания. Анализируя доклады комитетов и групп РСДРП к предстоящему II съезду партии он снова возвращается к данной проблеме. В одном из пунктов намечаемой работы Ленин указывает: «Слежка за шпионами? Борьба со шпионами и провокаторами? Формы её, бывшие и желательные!» [3, с. 80].

В период первой российской революции в стране совершались десятки и сотни террористических актов, носивших, в основном, политический характер. Террор стал в это время главным методом революционной борьбы ПСР. Недаром их стали называть партией террористов. Не отставали от эсеров анархисты, у которых террор политический переплетался с экономическим террором, а часто являлся настоящим бандитизмом. «Эсдеки» официально террор отрицали, хотя их боевые дружины в 1905—1907 гг. не раз «охотились» за представителями власти, не говоря уже об убийствах, совершавшихся во время экспроприаций.

В условиях революционных событий 1905 г. лидер большевистского крыла РСДРП постепенно меняет своё отношение и к политическому террору, и к партии социалистов-революционеров. Теперь Ленин уже не против совместной борьбы социал-демократов и эсеров с царизмом. И он уже не критикует террор. Исследователь терроризма в России О.В. Будницкий отмечает, что ленинские слова реально претворялись на практике, о чём свидетельствует, например, такой факт: бомбы, которыми эсеры-максималисты взорвали дачу премьер-министра П.А. Столыпина, были изготовлены в динамитной мастерской большевистской Боевой технической группы [5, с. 322].

По мере разрастания первой российской революции В.И. Ленин всё чаще обращает внимание на боевую работу пролетариата. В статьях, написанных им в октябре 1905 г., в разгар революционного движения в стране, Ленин призывает создавать боевые дружины, изготавливать бомбы, вооружаться и немедленно начинать боевые операции, которые подразумевают «... убийство шпика, взрыв полицейского участка, ... нападение на банк для конфискации средств для восстания ... и т.п.» [6, с. 336—338]. Помимо убийств шпионов, полицейских, жандармов В.И. Ленин призывает и к борьбе с черносотенцами: «... выступать и вооруженной силой, избивая черносотенцев, убивая их, взрывая их штаб-квартиры, и т.д. и т.д.» [6, с. 343]. Не забывал вождь российского и мирового пролетариата и про технические вопросы в революционной борьбе. «Мы можем и должны воспользоваться усовершенствованием техники, научить рабочие отряды готовить массами бомбы, помочь им и нашим боевым дружинам запастись взрывчатыми веществами, запалами и автоматическими ружьями» [7].

Интересно отметить, что указанные работы Ленина, носящие местами экстремистский характер, не убирались советской цензурой из его полного собрания сочинений. Ну что страшного в том, если убьют шпика, изобьют городских или обольют их сверху кислотой — ведь это защитники самодержавия, а с ними нечего церемониться. Как говорится, на войне — как на войне. А исследователь революционного движения Н.Н. Чужак в статье, опубликованно, в 1930 г. даже восхищается решительностью В.И. Ленина и его советами по организации боевых дружин в России [8]. Это и понятно, так как несколько десятилетий каждая фраза большевистского лидера являлась истиной в последней инстанции и критике не подвергалась.

Следует, однако, признать, что в указанный период в России социал-демократы, эсеры, анархисты и представители национальных революционных партий одинаково не мыслили перехода к новому социальному строю иначе, чем с помощью революционного насилия, в частности террора. Например, главный идеолог партии социалистов-революционеров В.М. Чернов разработал специальную концепцию необходимости применения террора в России, а лидер анархистского движения П.А. Кропоткин считал терроризм неизбежным спутником революционного движения, симптомом нарастания недовольства масс и, одновременно, средством революционной агитации.

Ленин был в постоянном курсе всех событий боевой работы, лично знал многих партийцев, занимавшихся этой деятельностью. Как вспоминает бывший член ЦК РСДРП М.М. Эссен, Ленин встречался в ноябре 1905 г. с членами Петербургского комитета большевиков. При этом он обстоятельно ознакомился со всеми вопросами, касающимися вооружения рабочих, их военной и боевой подготовки, в част-

ности, спрашивал, умеем ли мы стрелять, тренируемся ли. Для вооружения рабочих он предлагал взять на учёт все арсеналы, оружейные магазины, интересовался, как идёт изготовление бомб [9, с. 120.]. О детальном изучении Лениным боевой работы, о его советах и указаниях для боевых дружин вспоминали многие видные партийцы.

Неоднозначным было у лидеров революционного подполья отношение к экспроприациям — захвату государственных или частных средств для пополнения партийных касс, т.к. финансовое положение последних было не всегда блестящее. Дискуссии по поводу применения экспроприаций происходили в период революции 1905 — 1907 гг. и в РСДРП, и в ПСР. Причём решения, принимаемые на партийных съездах, и у тех, и у других принимались, в итоге, почти одинаковые. Так, в эсеровской резолюции, принятой на II (экстренном) съезде ПСР (Таммерфорс (Финляндия), февраль 1907 г.) говорилось: «... экспроприации частных имуществ и капиталов абсолютно недопустимы. Участники частных экспроприаций, безусловно, исключаются из партии». И далее: «... что касается экспроприации казённых сумм, то она допускается партией лишь под строгим контролем и руководством исключительно ЦК, причём в план организованных таким образом экспроприаций не должны входить человеческие жертвы» [10, с. 607].

В.И. Ленин в проекте резолюций к IV (объединительному) съезду РСДРП (Стокгольм, апрель 1905 г.) отдельным вопросом выделил «Партизанские боевые выступления». В одном из пунктов этих тезисов он отмечает: «...допустимы также боевые выступления для захвата денежных средств, принадлежащих неприятелю, т.е. самодержавному правительству, и для обращения этих средств на нужды восстания, причём необходимо обратить серьёзное внимание на то, чтобы интересы населения были возможно менее нарушены...» [11]. IV съезд РСДРП указал на недопустимость экспроприаций частного имущества, а попытка В.И. Ленина провести свою резолюцию о партизанских выступлениях не удалась и была подвергнута резкой критике.

Ленин открыто и неоднократно заявлял, что экспроприации являются вполне допустимым средством в революционной борьбе. Ещё в конце 1905 г. внутри Центрального комитета РСДРП была организована группа под названием «Большевицкий центр». Целью этой группы являлось добывание денег для фракции большевиков. Ведущую роль в этой группе играл соратник Ленина Л.Б. Красин. «Большевицкий центр» получал постоянный приток средств благодаря многочисленным экспроприациям на всей территории Российской империи.

По подсчётам А. Гейфман, только на Урале большевицкие боевики осуществили с начала революции 1905 г. более сотни экспроприаций [12, с. 166]. При этом нередко были человеческие жертвы. Видимо, знаменитая фраза «Деньги не пахнут» вполне подходила для большевицких лидеров, как, впрочем, и для других представителей революционно-радикального лагеря в России. Очевидно, что боевая работа очень часто шла вразрез с общечеловеческими принципами морали. (Нечистоплотные методы финансирования фракции большевиков включали в себя, помимо «эксов», борьбу за наследство фабриканта Н.П. Шмита, «выжимание» средств с другого русского капиталиста — С.Т. Морозова, и даже попытки изготовления фальшивых денег.)

IV (Объединительный) съезд социал-демократов проходил весной 1905 г., а осенью того же года в Там-

мерсфорсе состоялась конференция военных и боевых организаций РСДРП. Среди участников форума было много сторонников Ленина, а сам он принял активное участие в подготовке конференции. Одна из резолюций конференции называлась «Об экспроприациях». Согласно резолюции «эксы» можно было осуществлять неофициально и прикрываться тем, что они направлены против государства, хотя на практике очень часто деньги изымались у частных лиц.

30 сентября 1906 г. в газете «Пролетарий» публикуется статья В.И. Ленина «Партизанская война», ставшая фактически изложением взглядов большевицкого лидера по данному вопросу. Отметив, что марксизм признаёт самые различные формы борьбы, которые со временем видоизменяются Ленин коснулся событий первой российской революции. Говоря об экспроприациях Ленин указал, что деньги с крупных «эксов» (как, например, кавказская и московская операции) шли именно на революционные партии, а вот деньги с мелких «эксов» шли, как правило, на содержание самих экспроприаторов. Налицо вывод: нужно осуществлять крупные «эксы», а для этого необходимы сильные боевые организации подконтрольные ЦК, подобно «Большевицкому центру».

В качестве примера правильной партизанской борьбы В.И. Ленин приводит Латышский край, где местные социал-демократы печатают в своей партийной газете списки шпионов, которых надо уничтожать. Содействующие полиции объявляются «противниками революции и подлежат казни, отвечая, кроме того, своим имуществом». В заключение статьи Ленин отмечает, что и экспроприации казённого имущества, и террористические действия против насильников правительства допустимы, но при условии контроля партии и интересов широких масс [13].

Хотя V (Лондонский) съезд РСДРП, проходивший в мае 1907 г., вообще принял решение о роспуске боевых дружин и запретил «партизанские действия» и «экспроприации», Ленин и его сторонники, как известно, не вступая в лишние дискуссии, продолжали пользоваться услугами боевиков для пополнения кассы «Большевицкого центра».

После третьеступенчатого государственного переворота боевая работа революционного подполья пошла на спад. Этому способствовали усталость населения от постоянных потрясений, репрессии правительства, разногласия в революционном лагере и ряд других причин. В этих условиях социал-демократы, подчиняясь партийной дисциплине и выполняя решения V съезда РСДРП о невозможности дальнейших открытых действий против царизма, распустили боевые дружины. Такой подход к боевой работе в новых условиях выглядел вполне логично. Новая тактическая линия партии, скорректированная на III и IV конференциях РСДРП (июль и ноябрь 1907 г.) заключалась в решении перейти от открытой политической борьбы к использованию легальных и нелегальных форм работы партийных организаций. Это решение было закреплено на V (Общероссийской) конференции РСДРП в декабре 1908 г. В период реакции и нового революционного подъёма (1907 — 1914) главной задачей для социал-демократов являлась консолидация партийных рядов и подготовка к новым революционным битвам. Вопрос о боевой деятельности в указанное время не являлся для «эсдеков» актуальным.

В.И. Ленин, охладев к террору и боевой работе, снова начинает критиковать индивидуальный террор. Так, в статье «Уроки революции» он указывает, что «... никакая геройская борьба одиночек-террористов не могли подорвать царского самодержавия и

всевластия капиталистов. Только борьба самих рабочих, только совместная борьба миллионов могла сделать это...» [14]. Даже в период нового революционного подъёма Ленин уже не призывает к возобновлению боевой работы и даже охлаждает слишком горячих партийцев от военно-боевых действий, призывая не растрачивать силы в мелких восстаниях, а готовиться к великому победоносному восстанию.

Но всё вышесказанное не говорит о том, что боевая работа РСДРП была прекращена полностью. В некоторых местных организациях имелось оружие и оставались партийцы, входившие ранее в боевые группы, готовые в случае необходимости снова возобновить вооружённые операции по заданию партии. Существовавшая в Италии группа «Вперёд» во главе с А.А. Богдановым поддерживала боевиков, делая ставку на вооружённые формы борьбы и специализируясь на проведении широкомасштабных экспроприаций. Ряд боевых групп, не желая подчиняться Центру, стал действовать самостоятельно без санкций местного руководства или объединяться для совместной боевой работы с эсерами и анархистами.

В 1907 – 1908 гг. на Урале действовала террористическая группа А. Лбова, в которую входили социал-демократы, эсеры, анархисты и уголовные элементы. Средства, добытые путём «эксов», в том числе грабёжей винных лавок и магазинов, употреблялись на закупку оружия, выдавались местным беднякам, отсылались в различные комитеты (в основном эсеров-максималистов и большевиков). В.И. Ленин продолжал контролировать кассу «Большевистского центра», которому вплоть до 1911 г. продолжали добывать деньги уральские боевики. А так как это шло вразрез с решением последнего партийного съезда, Ленин и его ближайшие помощники эту деятельность не афишировали.

В период нового революционного подъёма и в годы Первой мировой войны, вплоть до Февральской революции, социал-демократы боевой работой не занимались, сконцентрировавшись на других формах революционной деятельности. Во всяком случае данных о боевых акциях или экспроприациях со стороны РСДРП в указанный период не имеется. Соответственно, и В.И. Ленин о боевой работе не пишет. Хотя в письме, датированном 25 октября 1916 г., он отмечает, что большевики совсем не против политических убийств, только индивидуальный террор должен обязательно стоять в прямой связи с движением масс [15, с. 105].

Таким образом, можно сделать вывод, что В.И. Ленин уделял боевой работе социал-демократического подполья, как одной из составляющих революционной работы, достаточно большое внимание. Это проявилось уже в конце 1890-х гг., а наибольшая активность в этом вопросе у Ленина произошла в период первой российской революции. При этом В.И. Ленин сначала относился отрицательно только к одной из форм боевой работы – террористическим актам. В 1905 г., в разгар революционного движения в стране, его точка зрения на террор кардинально меняется, а во время спада революции он снова возвращается к критике политических убийств. В то же время Ленин критиковал террористов, и в первую очередь социалистов-революционеров, не за сам террор как таковой, а за

то, что он не был связан с революционным движением масс. Другие формы боевой работы, в частности экспроприации, Ленин считал вполне допустимыми. Выходит, взгляды лидера большевиков целиком зависели от политической ситуации в России и были логически обоснованы. Что касается моральных норм, то они Лениным в расчёт не принимались.

Библиографический список

1. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений. В 55 т. Т. 2. 1895 – 1897 / В. И. Ленин. – М.: Политиздат, 1979. – С. 469.
2. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений. В 55 т. Т. 6. Январь – август 1902 / В. И. Ленин – М.: Политиздат, 1979. – С. 380.
3. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений. В 55 т. Т. 7. Сентябрь 1902 – сентябрь 1903 / В. И. Ленин. – М.: Политиздат, 1979. – 622 с.
4. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений. В 55 т. Т. 5. Май – декабрь 1901 / В. И. Ленин. – М.: Политиздат, 1979. – С. 7.
5. Будницкий, О. В. Терроризм в российском освободительном движении: Идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начала XX в.) / О. В. Будницкий. – М.: РОССПЭН, 2000. – 399 с. – ISBN 5-8243-0118-2.
6. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений. В 55 т. Т. 11. Июль – октябрь 1905 / В. И. Ленин. – М.: Политиздат, 1979. – 589 с.
7. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений. В 55 т. Т. 13. Май – сентябрь 1906 / В. И. Ленин. – М.: Политиздат, 1979. – С. 376.
8. Чужак, Н. Ленин и «техника» восстания. Два момента в истории партии (по памяти и документам) / Н. Чужак // Каторга и ссылка. – 1930. – № 73 (Кн. 12). – С. 69 – 115.
9. Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. В 5 т. Т. 2. / Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС; [Редкол.: Г. П. Голиков и др.]. – 2 изд. – М.: Политиздат, 1979. – 496 с.
10. Партия социалистов-революционеров: Документы и материалы: 1900 – 1922 гг. В 3 т. Т. 1. 1900 – 1907 гг. / Сост., авт. предисл., введ. и коммент. Н. Д. Ерофеев. – М.: РОССПЭН, 1996. – 686 с. – ISBN 5-86004-064-4 (в пер.) ISBN – 5-86004-065-2.
11. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений. В 55 т. Т. 12. Октябрь 1905 – апрель 1906 / В. И. Ленин. – М.: Политиздат, 1979. – С. 228 – 229.
12. Гейфман, Анна. Революционный террор в России, 1894 – 1917 / Анна Гейфман: [Пер. с англ. Е. Дорман]. – М.: КРОН-пресс, 1997. – 445 с. – ISBN 5-232-00608-8.
13. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений. В 55 т. Т. 14. Сентябрь 1906 – февраль 1907 / В. И. Ленин. – М.: Политиздат, 1979. – С. 4 – 10.
14. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений. В 55 т. Т. 19. Июнь 1909 – октябрь 1910 / В. И. Ленин. – М.: Политиздат, 1980. – С. 419.
15. Леванов, Б. В. Из истории борьбы большевистской партии против эсеров в годы первой русской революции / Б. В. Леванов. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1974. – 151 с.

ЦИНДИК Александр Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных наук.

Адрес для переписки: 644008, г. Омск, Институтская пл., 2.

Статья поступила в редакцию 08.10.2010 г.

© А. А. Циндик

КОММУНИСТЫ-КАЛМЫКИ НА СПЕЦПОСЕЛЕНИИ (НА МАТЕРИАЛАХ ОМСКОЙ И ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТЕЙ)

В статье на примере калмыцкого народа исследуется политика центральных и местных властей в отношении спецпереселенцев-коммунистов. Автор показывает, что система спецпоселений существенно ограничивала права состоявших в партии калмыков. Исследователь вводит в научный оборот новые статистические данные, которые позволяют изучить проблему в динамике.

Ключевые слова: коммунисты, спецпереселенцы-калмыки, депортация, ВКП (б).

К числу мало изученных проблем истории репрессий в отношении народов СССР относится проблема пребывания на спецпоселении коммунистов, которые сохранили и в условиях особого режима свою партийную принадлежность.

В фундаментальной работе В. Б. Убушаева приводятся отдельные факты успешной трудовой деятельности партийных калмыков [1]. В своих исследованиях В. Н. Земсков [2] и И. В. Бердинских [3] ограничиваются приведением данных о количестве коммунистов на спецпоселении. Исключением является диссертация В. В. Сарновой, в которой затрагивается проблема отношения властей к прибывшим на поселение бывшим партийным и советским работникам. Автор приходит к выводу о «неопределенности статуса» этой группы лиц и более лояльном отношении к ним со стороны властей по прибытии их на спецпоселение [4]. Распространена также точка зрения, согласно которой спецпереселенцы в целом [5] и калмыки в частности [6], на спецпоселении не принимались в ряды ВКП (б)/КПСС. В результате феномен партийности калмыков на спецпоселении специально не изучался.

На территорию Омской области (в состав которой до 14 августа 1944 года входила Тюменская) в начале 1944 г. было депортировано 27088 калмыков, из них 226 были коммунистами [7, л. 3 – 36].

В связи с первоначальной неопределенностью статуса коммунистов возникла проблема с постановкой на учет прибывших из других парторганизаций калмыков. В конце января Омский обком ВКП (б) в ответ на запросы из районов разослал периферийным организациям информацию, в которой говорилось: «Обком ВКП (б) имеет сведения, что некоторые райкомы ВКП (б) (Калачинский и другие) принимают на партийный учет прибывших к нам в район членов и кандидатов ВКП (б)... Разъясняем, что переселенцы из указанных областей впредь до особого указания на партийный учет приниматься не должны» [7, л. 1]. В заключительной части документа сообщалось, что до «особого указания» эти коммунисты должны браться на временный учет [7, л. 24]. После получения этого «указания» спецпереселенцы-коммунисты принимались на учет в общем порядке, т.е. при наличии у коммуниста открепительного талона, партбилета и кандидатской карточки, и только после получения на него учетной карточки [7, л. 1].

Документом, в котором давалось указание об отношении к спецпереселенцам-коммунистам были

вышедшие 8 марта 1944 г. «Правила хозяйственного и трудового устройства спецпереселенцев», где коммунисты назывались первыми из «социально неопасных». Им предлагалось создавать благоприятные условия для трудоустройства [8].

Отсутствие у прибывших переселенцев необходимого пакета документов являлось серьезным лимитирующим фактором. В объяснительной записке к статотчетам, предоставляемым в Омский обком, Азовским РК ВКП (б) сообщалось, что к концу декабря 1944 г. не получены учетные карточки пяти коммунистов-калмыков [9, л. 49], в связи с чем партийные органы были вынуждены посылать запросы в места, где ранее состояли на партучете члены и кандидаты ВКП (б) [7, л. 13, 24]. Понятно, что на получение ответов требовалось время. В результате из прибывших в Азовский район шести калмыков-коммунистов к 1 января 1945 г. на постоянный партийный учет был поставлен лишь один член ВКП (б) [9, л. 58].

Путаница в учетных документах сохранялась до начала 1945 г., когда, видимо, поступило особое указание и калмыков стали принимать на учет на общих основаниях.

Представленные данные (табл. 1) показывают, что процесс постановки на учет партийных калмыков не был одномоментным, это было связано как с отсутствием у многих из них документов, необходимых для постановки на учет, так и с постепенным возвращением (начиная с марта 1945 г.) из Широкагала калмыков-фронтовиков, трудившихся до этого на строительстве Широковской ГЭС в Молотовской области. Ряды коммунистов-калмыков пополнялись также в ходе проходившего во второй половине 1940-х годов процесса воссоединения семей спецпереселенцев.

Обобщенные нами сведения (табл. 2) говорят об увеличении численности парторганизации, в том числе за счет вступивших в нее спецпереселенцев-калмыков. Согласно данным статотчетов, первый калмык был принят в кандидаты в члены ВКП (б) уже в первом квартале 1944 г. (!). Спецпереселенца, вероятно, приняли за эвакуированного.

Важно отметить, что начиная с 1948 г. прием калмыков сокращается, а с 1950 (в Омской области — с 1951 г.) прекращается. Параллельно происходит постепенное сокращение численности калмыков в рядах парторганизаций областей (табл. 1). Этот процесс совпадает с пиком ужесточения режима спецпоселения, кульминацией которого является указ от

Количество калмыков-коммунистов в Омской и Тюменской областях (1945–1961 гг.)

На 1 января:	Омская область		Тюменская область	
	членов ВКП (б)	кандидатов члены ВКП (б)	членов ВКП (б)	кандидатов члены ВКП (б)
1945 г.	95	15	нет данных	
1946 г.	154	48	126	61
1947 г.	189	45	146	40
1948 г.	178	52	159	40
1949 г.	168	30	131	30
1950 г.	170	24	105	18
1951 г.	165	23	103	14
1952 г.	161	23	95	11
1953 г.	157	15	84	10
1954 г.	140	5	74	3
1955 г.	146		74	
1956 г.	138		70	
1957 г.	126		59	
1958 г.	53		48	
1959 г.	21		21	
1960 г.	12		14	
1961 г.	9		15	

Составлено по: БУ Иса. ОО (Ф. п-17.) и ГАСПИТО (Ф. 124.). Отчеты о составе парторганизации по партийному стажу, образованию, возрасту, национальности и пребыванию в других партиях Омского и Тюменского обкомов ВКП (б)/КПСС за 1944–1960 гг.

26 ноября 1948 г. Фактически к началу 1950 годов начинает действовать негласный запрет на прием спецпереселенцев-калмыков в ряды ВКП (б). Одна из спецпоселенок тех лет с горечью отмечала: «Я снялась с учета (в РК ВЛКСМ. — А.И.) как переросток, ибо перспективы на вступление в партию нет...» [10, л. 236].

Трудоустройство партийных спецпереселенцев в народном хозяйстве области имело свои особенности. Прибывшие партийные сотрудники НКВД и НКГБ фактически все стали рядовыми рабочими и колхозниками. Исключение составили два человека. Один, бывший оперуполномоченный НКВД одного из районов Калмыцкой АССР, устроился командиром отделения пожарной охраны РО НКВД, второй — оперуполномоченный Троицкого РО НКВД Калмыцкой АССР, стал комендантом на лесозаводе в Ялуторовском районе. В последнем случае спецпереселенец, видимо, надзирал за своими земляками [7, л. 11]. Важно отметить, что единственным, кто уже к началу мая 1944 г. был трудоустроен в качестве оперуполномоченного НКВД, был член ВКП (б), до переселения работавший также оперуполномоченным, но в комиссариате госбезопасности [11, л. 177 об.].

Существовала дифференцированная практика в отношении использования труда бывших руководящих партийных и советских работников из числа коммунистов. Многие лица, занимавшие посты секретарей районных комитетов партии, председателей райисполкомов, уже в первые месяцы депортации назначались на управленческие должности, хотя и более низкого уровня. Бывший секретарь Черно-

земельского РК ВКП (б) Калмыцкой АССР по кадрам стал заместителем председателя Исилькуского исполкома по промышленности [7, л. 11 об.]. В Калачинском районе на должность участкового агронома Куйбышевской МТС был принят бывший заведующий одного из районных земельных отделов Калмыкии [7, л. 16]. Управленческий опыт этих людей оказался востребован в ситуации острого дефицита кадров, наблюдавшегося в военное время.

К 14 августа 1944 г. на территории Омской области из числа переселенцев находилась группа руководящих советских и партийных работников: бывший зам. председателя Совнаркома; двое зав. отделами Обкома ВКП (б); трое — зав. отделами РК ВКП (б); председателей райисполкомов — три человека [12]. За одним исключением все они заняли на поселении нерядовые должности, а бывший заместитель председателя СНК работал инструктором райкома партии.

Практические знания в сочетании с членством в партии создавали благоприятные условия для занятия ответственных должностей. Калмык, профессиональный инженер стал начальником цеха на заводе № 5 г. Тюмени [7, л. 30]. По состоянию на 1 июня 1946 г. среди «практиков, занимающих инженерно-технические должности предприятий Ханты-Мансийского госрыбтреста», числилось два калмыка (оба члены ВКП (б)): один из них занимал должность начальника рыбучастка; второй — опытный рыбак с 30-летним стажем, с 1927 г. состоящий в партии, был в начале 1946 г. назначен заместителем директора Усть-Кондинского

Таблица 2
Количество принятых в партию калмыков по Омской и Тюменской областям (1944 – 1 апреля 1954 г.)

Принято в:	Омская область			
	члены ВКП (б)		кандидаты ВКП (б)	
1 квартал 1944 г.	-		1	
2 квартал 1944 г.	-		-	
3 квартал 1944 г.	-		-	
Принято в:	Омская область		Тюменская область	
	члены ВКП(б)	кандидаты ВКП (б)	члены ВКП (б)	кандидаты ВКП (б)
4 квартал 1944 г.	-	-	-	-
1945 г.	2	1	1	-
1946 г.	5	-	5	-
1947 г.	3	2	3	-
1948 г.	-	-	-	2
1949 г.	1	-	1	-
1950 г.	1	-	-	-
1951 г.	-	-	-	-
1952 г.	-	-	-	-
1953 г.	-	-	-	-
1 квартал 1954 г.	-	-	-	-

Составлено по: БУ ИсА. ОО (Ф. п-17.) и ГАСПИТО (Ф. 124.). Квартальные статистические отчеты о численном составе и движении парторганизации и о составе принятых в члены и кандидаты партии Омского и Тюменского обкомов ВКП (б)/КПСС за 1944 – 1954 гг.

рыбзавода [13]. В то же время отмечались случаи трудоустройства рядовых коммунистов без учета специальности [7, л. 23].

В конце июля 1946 г. министр внутренних дел Круглов информировал высшее руководство страны о том, что на спецпоселении в Сибири находилось 743 члена и кандидата ВКП (б), причем «партийно-советский актив бывшей Калмыцкой АССР, имеющий образование и специальность, трудоустроен и материально обеспечен». Один из калмыков-коммунистов даже получал «литерное питание». В то же время «руководящие республиканские и районные работники бывшей Калмыцкой АССР, не имеющие специального образования, устроены значительно хуже и до последнего времени им не оказывалось со стороны местных партийных и советских органов необходимой помощи» [14].

Партийность как таковая не давала гарантии трудоустройства, однако для спецпереселенцев, вынужденных постоянно доказывать свою лояльность режиму, партбилет был еще одним ее подтверждением, которое никто не мог поставить под сомнение.

Отношение коммунистов к власти варьировалось от ударного труда с первых дней на спецпоселении до послышки писем «во власть» с жалобами на неспра-

ведливое выселение и прошениями о снятии ограничений по спецпоселению. Спецпереселенец К., до выселения работавший начальником милиции, член ВКП (б) говорил: «За что я страдаю, сам не знаю, сам я член ВКП (б), работал 8 лет в органах милиции, за собой ничего плохого не чувствую, а меня прислали страдать – сижу голодом» [11, л. 23]. Ярким примером стремления к интеграции спецпереселенцев-коммунистов в существующую систему могут служить события, связанные с проведением в жизнь Указа Президиума Верховного Совета СССР от 2 июня 1948 г. «О выселении в отдаленные районы лиц, злобно уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведущих антиобщественный паразитический образ жизни». 16 июля 1948 г. состоялось общее собрание колхозников колхоза «Красный пахарь» Медведчиковского сельсовета Тобольского района. Собрание вынесло «общественный приговор» о выселении из пределов Тюменской области колхозника Т. От партийного актива в поддержку этого решения выступил калмык, член ВКП (б) М. – помощник счетовода колхоза. В своей речи он заявил: «Я поддерживаю предложение... о выселении Т. из пределов области» [15]. Парадоксально, но человек, депортированный 4 года назад, агитировал за помещение человека на спецпоселение, сам являясь спецпереселенцем.

В известных нам документах, регламентирующих положение спецпоселенцев, нет указания на особое (привилегированное) положение. Об отсутствии привилегий коммунистов-калмыков свидетельствуют воспоминания Бамбшева С. М., которого, как члена КПСС, сняли с учета в 1955 г. и даже послали на курсы в Высшую партийную школу в Москву. Однако членство в партии не помогло незадолго до этого преодолеть всевластие коменданта и избежать семейной трагедии. С горечью Санджи Манджиевич поведует о смерти своего ребенка: «Один ребенок умер, потому что комендант не разрешил выехать с ним в больницу в Омск» [16].

Национальность могла стать скрытой причиной для исключения из ВКП (б). Коммунист Э. Л. Лиджи-Горяев вспоминал: «На партийный учет сразу встали, на собрания ходили и в Сибири, и в Казахстане. Многих поисключали. За что хочешь, им повод нужен был. Меня вызвали в райком партии и говорят: будем вас исключать... А если исключаете меня по национальному признаку, так и напишите, что как калмыка исключаете. Никто не взялся» [17]. Не случайно известные нам решения о санкциях в отношении партийных калмыков не содержат указаний на национальность как причину взыскания [18].

На партийных спецпереселенцев распространялись все ограничения по спецпоселению. Министр внутренних дел Круглов в июле 1953 г. информировал Хрущева о том, что коммунисты-спецпереселенцы «...не могут без ведома местных органов МВД отлучаться с места жительства в командировки, в отпуск, на лечение и даже не могут без разрешения выезжать в районные центры для участия в мероприятиях, проводимых партийными и советскими органами» [10, л. 75, 181]. Не допускались они также и на ответственную и руководящую работу. Это делало спецпереселенцев неполноправными коммунистами.

Обсуждение вопроса о необходимости снятия коммунистов с учета спецпоселения началось сразу после смерти Сталина, однако реальное смягчение режима спецпоселения началось с принятием 5 июля 1954 г. постановления Совета министров «О снятии некоторых ограничений в правовом положении спецпоселенцев» [19, с. 158 – 159]. Главными приоритетами

здесь выступали трудоустройство и благонадежность, при этом спецпереселенцы-коммунисты не выделялись как особая группа репрессированных.

9 мая 1955 г. было принято постановление Президиума УК КПСС «О снятии ограничений в правовом положении с членов и кандидатов в члены КПСС и их семей, находящихся на спецпоселении» [19, с. 216]. На 1 июля 1955 г. в целом по стране сняты с учета и освобождены из-под административного надзора 5699 членов и кандидатов в члены КПСС, а также 7874 члена их семей [19, с. 403]. К моменту снятия с учета спецпоселения в Омской области находились 146 [20], а в Тюменской 74 коммуниста [21].

В записке, представленной в ЦК КПСС, «неопасность» снятия их со спецучета обосновывалась прежде всего невозможностью массового выезда коммунистов «поскольку выезды будут разрешаться соответствующими партийными комитетами» [10, л. 181]. В результате административный надзор был снят, однако ограничения по передвижению (прежде всего, право на возвращение в родные места) фактически были сохранены.

В постановлении Президиума ЦК КПСС «О мерах по усилению массово-политической работы среди спецпереселенцев» от 29 июня 1955 г. признавалось, что «коммунисты, ранее состоявшие на учете спецпоселения, не привлекаются на работу в партийный аппарат, в редакции местных газет и т.д.» Было решено: «...К работе в качестве агитаторов, докладчиков и пропагандистов привлекать политически подготовленных коммунистов, а также спецпоселенцев из числа беспартийной интеллигенции». Кроме того, партийным организациям разъяснялось, «что передовые люди из числа спецпоселенцев принимаются в партию на общих основаниях, в соответствии с Уставом КПСС, строго в индивидуальном порядке» [19, с. 225 – 226].

Из областных центров на места были направлены агитаторы и пропагандисты, однако спецпереселенцев-коммунистов среди них не было. Как большое достижение подавался факт присутствия на районной партконференции пяти делегатов-спецпереселенцев в Омской области [22, л. 1 – 3]. В Омской области примеры ответственных партийных поручений были также единичны [23, л. 21]. Прием в партийные ряды спецпереселенцев носил ограниченный характер. В ноябре 1955 г. в Полтавском районе Омской области два человека из числа спецпереселенцев были приняты в ряды КПСС [23, л. 24], в Черлакском районе – двое стали членами КПСС и один кандидатом [22, л. 2]. Партийные органы были лишены стимула принимать в партийные ряды депортированных ввиду их автоматического снятия со спецпоселения.

Тюменский обком признал, что местные партийные организации и после снятия всех калмыков со спецучета (17 марта 1956 г.) по-прежнему мало привлекали коммунистов-калмыков к активному участию во внутривнутрипартийной жизни. Согласно отчетам райкомов и окружкомов, два калмыка были членами партбюро первичных парторганизаций [24], один был избран секретарем парторганизации [25]. Лица, носившие на себе клеймо «спецпереселенец», по-прежнему ходили в неблагонадежных.

Жалобы на неправомочность исключения из партийных рядов стали рассматривать только после снятия калмыков с учета спецпоселения. Тюменский обком КПСС только в конце ноября - начале декабря 1956 г. рассмотрел три апелляции калмыков, исключенных из партии с 1950 по 1953 гг. Все прошения были поддержаны областным комитетом, который

ходатайствовал перед Комиссией партийного контроля при ЦК КПСС об их восстановлении в партии [26].

Отток калмыков-коммунистов из областных парторганизаций начался уже в 1955 году, пик его приходится на 1957 – 1958 гг., когда ограничения на выезд были сняты и калмыки стали организованно возвращаться в родную республику (табл. 1).

История партийности на спецпоселении представляет уникальный в мировой истории феномен, в результате которого члены правящей партии – коммунисты, будучи репрессированы правительством, руководимым этой же организацией, не только сохранили свою партийность, но и стремились не утратить статус коммуниста, способствовали (пусть и символически) ее существованию, осуществляя выплату членских взносов и участвуя в общественной деятельности по партийным поручениям. Беспартийные спецпереселенцы-калмыки имели возможность (фактически до начала 1950-х гг.) вступать в ряды коммунистической партии. Партийность сама по себе не давала никаких формальных привилегий, являясь в то же время неоспоримым свидетельством лояльности режиму и предпосылкой для успешной социализации в экстремальных условиях депортации.

Изучение феномена партийности на спецпоселении позволяет нам по-новому взглянуть на национальную политику ВКП (б)/КПСС, практику отношений власти к различным группам спецпоселенцев, тактики выживания репрессированных в условиях режима комендантуры, дополняет наши представления о социальной мобильности депортированных. Все это в совокупности расширяет проблемное поле исследований истории депортации народов и репрессий в СССР.

Библиографический список

1. Убушаев, В. Калмыки: выселение и возвращение 1943 – 1957 гг. / В. Убушаев. – Элиста, 1991. – С. 76.
2. Земсков, В. Н. Спецпоселенцы в СССР 1930 – 1960 гг. / В. Н. Земсков. – М., 2003. – С. 172.
3. Бердинских, И. В. Особенности формирования структуры спецпоселений в СССР в 1930 – 1940-х гг. : дис. ... канд. ист. наук / И. В. Бердинских. – Киров, 2007. – С. 101.
4. Сарнова, В. В. Принудительные миграции населения СССР в Западную Сибирь в период Второй мировой войны : дис. ... канд. ист. наук ; 07.00.07 / В. В. Сарнова. – Новосибирск, 2005. – С. 103.
5. Саганова, Л. П. Спецпереселенцы-немцы в Бурятии (1941 – 1956 гг.) : дис. ... канд. ист. наук ; 07.00.02 / Л. П. Саганова. – Улан-Удэ, 2001. – С. 125.
6. Убушаев В. Б. Калмыки: выселение, возвращение, возрождение. 1943 – 1959 гг. / В. Б. Убушаев, К. В. Убушаев – Элиста, 2007. – С. 85.
7. КУ. ИСА ОО. Ф. п-17. Оп. 1. Д. 3944.
8. Ссылка калмыков: как это было : сб. док-в и мат-лов. Т. I. Кн. 1. – Элиста, 1993. – С. 146.
9. КУ ИСА. ОО. Ф. п-17. Оп. 1. Д. 3989.
10. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 725.
11. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 177.
12. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 140. Л. 4 об.
13. ГАХМАО. Ф. 118. Оп. 1. Д. 383. Л. 113, 116, 138.
14. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 265. Л. 65-67.
15. ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 21. Д. 163. Л. 151-152.
16. Бамбышев, С. М. Сибирь я буду помнить вечно / С. М. Бамбышев // Широкий: Широкая : сб. вос-поминаний. – Элиста, 1994. – С. 30 – 31.
17. Воспоминания Э. Л. Лиджи-Горяева. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://elzabair.ru/cntnt/lmenu/proekty/zhenskie_i/lidzhigory.html (дата обращения : 26.04.11).
18. ГАСПИТО. Ф. 135. Оп. 1. Д. 401. Л. 130, 268.

19. Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и др. мат.-лы. В 3 т. Т. 1. Март 1953 — февраль 1956. — М., 2000. — 503 с.

20. КУ Иса ОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 6717. Л. 2 об.

21. ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 86. Д. 152. Л. 39 об.

22. КУ Иса ОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 7084.

23. КУ Иса ОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 6940.

24. ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 96. Д. 104. Л. 75.

25. ГАСПИТО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 1799. Л. 38.

26. ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 98. Д. 67. Л. 89, 100, 106.

ИВАНОВ Александр Сергеевич, аспирант кафедры истории России.

Адрес для переписки: e-mail: 7live@bk.ru

Статья поступила в редакцию 30.05.2011 г.

© А. С. Иванов

УДК 908

С. А. ГРИВИНА

Омский танковый инженерный институт

ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ ИСТОРИКА, ЭТНОГРАФА И КРАЕВЕДА ТУВЫ Г. Н. КУРБАТСКОГО

Статья посвящена творческому пути историка, этнографа, краеведа Тывы Г.Н. Курбатского. Автор попытался осветить роль собирательской, научно-исследовательской и преподавательской деятельности Георгия Николаевича в изучении и популяризации русской народной культуры региона. Особое внимание в работе уделено истории создания бесценного, ещё не изданного личного рукописного фольклорного фонда Г.Н. Курбатского, содержащего 770 текстов необрядовых лирических песен, а также заговоры, загадки, пословицы, поговорки, рассказы старожилов, местные легенды и предания.

Ключевые слова: творческая биография, личные архивы, фонды, наследие учёного, Тыва, русская народная культура Тывы.

До начала XX в. Урянхайский край, нынешняя Республика Тыва, отсутствовала на картах Российской империи. И столетие спустя этот регион остаётся чужой, во многом не познанной территорией для историков, культурологов, этнографов.

Изучение истории и культуры народов Тывы началось достаточно поздно, только в 60-е годы двадцатого столетия. Первыми местными исследователями-краеведами стали учёные-подвижники, настоящие труженики, ревнители своего дела, всю жизнь посвятившие научно-исследовательской и преподавательской деятельности. Немногие из них обрели славу и достигли широкого общественного признания, но значимость их труда сложно переоценить.

К таким ярким и глубоким личностям относится историк, этнограф, краевед, кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры литературы Тувинского государственного университета Георгий Николаевич Курбатский (1937 г.р.), уже более полувека собирающий и изучающий местный русский и тувинский фольклор.

Характер и судьбу будущего исследователя, вероятно, во многом предопределило данное при рождении имя Георгий, которое, по его мнению, сложилось из слов «герой» и «горе». Героем, побеждающим горе, Георгий Николаевич оставался и остаётся по сей день. Нельзя не согласиться с мнением одной из учениц Г.Н. Курбатского, Светланы Васильевны Селивановой, называющей жизненный путь своего Учителя вечным преодолением, преодолением тяжёлой болезни и связанных с ней физических и духовных страданий, преодолением своей немощи, горьких и одиноких обид, корысти, подлости, людской злобы [1, с. 33].

Родился Георгий Николаевич в страшное кровавое время буйства сталинского террора, в 1937 г., в городе Куйбышеве (нынешней Самаре), где семья Курбатских ненадолго остановилась после переездов из Москвы и Магнитогорска, спасаясь от сталинских репрессий.

Эту семью, по всем законам времени обречённую на жестокую расправу, чудесным образом хранила судьба, а может быть, и сам святой Николай Угодник, в честь которого был назван отец Георгия Николаевича — Николай Кузьмич Курбатский.

Свою профессиональную деятельность Николай Кузьмич начинал журналистом «Комсомольской правды» в Москве. К рождению первенца, Георгия, он продолжал работать в газете, но уже в должности специального корреспондента. Не попасть под молот репрессий на такой работе было практически невозможно. «В эти годы (середина 30-х годов) расстреляли четырёх редакторов «Комсомольской правды». И товарищи спасли отца, послав его на работу в Куйбышев, а из Куйбышева — в Омск. Ему сказали: «Сиди тихо и никакого материала в редакцию не присылай. Если ты это сделаешь, себя погубишь... сразу возьмут. А из Москвы называли: «Почему молчит ваш спецкор?» Своего спасителя Диму Карминова он с благодарностью вспоминал всю жизнь. Фамилию эту я <Георгий Николаевич> встречал в газете «Правда» [2, с. 3].

Не обделена вниманием Советской власти была и мать маленького Георгия, Фаина Антоновна Томашевич, любящая родительница четверых детей, заботливая и преданная жена, рачительная хозяйка, заклеившая печатью «дочери врага народа», что,

по сути, считалось отложенным до срока приговором. «Отца Фаины Антоновны, железнодорожного рабочего, расстреляли за то, что не сумел сохранить свинок. По совету мерзавца насыпал им песочку. Как в «Поднятой целине» [1, с. 41]. Большую часть жизни это обстоятельство мучило Николая Кузьмича, камнем лежало на его сердце. По воспоминаниям Георгия Николаевича, «отец не любил разговаривать про жизнь». «Невозможно было его разговаривать. Скажет «не болтай!» и молчит. Он знал, что квартира прослушивается. И только однажды его прорвало, и он выплеснул мне, старшему сыну, свою душевную боль: «А ты знаешь, что мне до сих пор не могут простить, что я взял в жены вашу мать, дочь врага народа? Звонят из Москвы, спрашивают: как он себя ведёт?» [1, с. 42].

Это признание, равно как и слышанные в детстве рассказы родителей об убиении деда со стороны матери, о смерти родного дяди, который неопытным бойцом был отправлен разведчиком в Польшу, рассекречен и выдан польским властям, навсегда врезались в память Георгия Николаевича.

В 1939 г. Курбатские переехали в Омск, где в течение 10 лет Николай Кузьмич работал заместителем редактора «Омской правды». В тяжёлое и страшное для страны лихолетье Великой Отечественной войны отец, по словам Георгия Николаевича, «жил работой» и на работе. «Раньше 6-ти утра не приходил: сводки Информбюро запаздывали. Редко-редко приходил вечером. Мы хором орали от счастья, бросались к нему. А он повторял только одно слово «Спать, спать...». Поспиг — и снова в редакцию» [2, с. 8]. Николай Кузьмич был гуманным руководителем, с уважением и пониманием относившимся к сотрудникам. «Когда я квартировал у одной из моих хозяек в Омске, — вспоминает Георгий Николаевич, — её сынок, работавший в «Омской правде», неоднократно спрашивал своих коллег о моём отце. ...И не нашлось ни одного человека, который бы плохо говорил о нём» [2, с. 10]. Но он же умел быть и твёрдым, строгим, требовательным, если речь шла о работе, ставшей содержанием и смыслом всей его жизни. Несмотря на годы скитаний, на несправедливость властей в отношении себя и своей семьи, Николай Кузьмич навсегда сохранил искреннюю и глубокую веру в политику Коммунистической партии, убеждённости в ответственности и важности вверенного ему дела. «Сейчас ему было бы очень неудобно узнать правду, которая скрывалась даже от лучших людей в то время» [2, с. 12].

Со временем схлынула волна репрессий и громких карательных дел, отца Георгия Николаевича оставили в покое. В 1949 г. Николай Кузьмич окончил Высшую партийную школу при ЦК и был направлен на работу в Тыву.

Но беда не приходит одна: семью Курбатских настигло новое горе. Ещё в Омске трёхлетнего Геру поразила страшная болезнь, качественно изменившая всю его дальнейшую жизнь: в результате тяжелейшей простуды мальчика разбил церебральный паралич.

С этого момента на ребёнка, ежедневно вынужденного бороться с недугом, доказывать своё право на полноценную жизнь, обрушились совсем недетские проблемы.

Настоящей школой жизни для маленького Георгия стали годы ученичества, которые он и по сей день считает первым серьёзнейшим экзаменом в своей судьбе. «В октябре пошли дожди, полетели белые мухи. Гипс на правой ноге (после операции) намокал. Ходить стало нелегко. И вот бабушка моя, Глафира Фёдоровна Томашевич, святой человек, сказала: «Те-

перь носить тебя буду, деточка». Каждое утро школяры приветствовали нас криками: «Хромого несут!» Непросто было подняться на второй этаж. Толкали — катился по лестнице. Стадо жестоко. Слёзы по кулаку. Добро без кулаков превращает жизнь в мокрое место... На площадке взгляд упирался в портрет Сталина, в его слова: «Перед нами стоит крепость. Называется она, эта крепость, наукой. Эту крепость мы должны преодолеть во что бы то ни стало». Вот и посыл» [1, с. 34].

Но школьные годы запомнились Георгию Николаевичу и радостью первых открытий. С благодарностью и восхищением вспоминает сегодняшний исследователь фольклора первые занятия по литературе, уроки наполненные красотой, поэзией, любованием языком, которые вела Розалия Владимировна Белкина, выпускница Московского областного пединститута им. Крупской. «Великий Дух склонен материализовывать себя в совершенных формах. Весь облик нашей Розалии Владимировны непостижимым образом воплощал филологическое начало. Женское гармонично сочеталось с интеллектуальным. Интеллигентным был даже смех её... Большие выразительные, как бы говорящие глаза. ...Интонирование чёткое, но мягкое. Знание языка великолепное... Объяснение литературного материала всегда было содержательно насыщенным и в меру эмоциональным. Жизненная и литературная конкретика не заслоняла концепцию. И прозу, и стихи интонировала художественно... Вообще любила играть словом. Материал излагала свободно, не пользуясь записями... Художественную литературу Розалия Владимировна пыталась включить в общекультурный контекст. В классе на патефоне проигрывала пластинки с записями первых русских опер Глинки, Бородина, хотя технически в самом начале 1950-х годов сделать это было нелегко. ...На уроках в особых тетрадах мы делали выписки из художественных текстов, много читали наизусть. Вслед за ней любили Маяковского: «Поэзия — езда в неизвестное». Весной 1954 г. она преподнесла «последний подарок» своим выпускникам, «по своим студенческим записям читала стихи запрещённого Есенина. Она рисовала. Но среди нас гадёныша не было» [1, с. 35].

Блестяще окончив школу с золотой медалью, юный выпускник усвоил самое главное правило, ставшее девизом его работы, его жизни, его совести: «Не обольщаться оценками учителей. Вырабатывать более строгую самооценку».

Г. Н. Курбатский в 1954 г. поступил на историко-филологический факультет ОмГПУ им. Горького и на пять лет вернулся в город своего раннего детства.

По признанию Георгия Николаевича, ему всегда везло с учителями. С этим трудно спорить, если вспомнить, какие корифеи исторических и филологических наук читали лекции студентам-первокурсникам: Евгений Михайлович Залкин, Ефим Исакович Беленький, Николай Викторович Трунёв... Особое влияние на Георгия Николаевича, увлёкшегося в студенчестве творчеством Л.Н. Толстого, оказал Александр Иванович Дубровин, сотрудник кафедры литературы ОмГПУ им. Горького. «Тогда много выходило литературы о Толстом. Я старался следить за всеми новыми изданиями... Вторично перечитал «Войну и мир»... Был в Ясной Поляне, в московском доме писателя, на могиле Л.Н. Толстого» [2, с. 20]. Александр Иванович первым познакомился с ранними статьями начинающего исследователя: «Повесть Л.Н. Толстого «Казаки»; «Л.Н. Толстой о прогрессе цивилизации» (конспект в две общие тетради); он же курировал дипломную работу Георгия Николаевича «Исучение

биографии Л.Н. Толстого в старших классах средней школы». Именно А.И. Дубровин увидел в молодом студенте будущего талантливого учёного. Как-то раз, «когда мы возвращались из библиотеки, Александр Иванович пожал мне руку и сказал «только на творческую работу» [2, с. 23].

Начало творческой деятельности Г.Н. Курбатского относится к 1959 г., когда он, окончив обучение на историко-филологическом факультете Омского педагогического института, вернулся в Тыву.

Став сотрудником кафедры русской и зарубежной литературы филологического факультета при Кызыльском государственном педагогическом институте, молодой специалист полностью посвятил себя преподаванию: разработке курсов лекций по истории древнерусской литературы и устному народному творчеству, подготовке программ семинаров, занятиям со студентами-заочниками из отдалённых тувинских сёл.

Созданный в 1956 г. на базе Кызыльского учительского института, КГПИ уже в начале своего существования стал одним из первых центров собирания и изучения национального и местного переселенческого фольклора Тывы. И произошло это во многом благодаря педагогической и научно-исследовательской деятельности Георгия Николаевича, в целом охватившей более 44 лет.

Работа неожиданным образом предопределила призвание Георгия Николаевича. На одной из его лекций, посвящённых русским народным зимним праздникам, студент-тувинец заметил: «Башкы (учитель), а у нас тоже есть свои праздники и свой Новый год — Шага...». Так, по словам исследователя, началась его собирательская деятельность, проходившая при активном содействии и в сотрудничестве со студентами института.

Немаловажную роль в деятельности Г.Н. Курбатского, связанной с сохранением и изучением произведений народного творчества, сыграли студенты заочного отделения филологического факультета, сельские учителя-энтузиасты, «собиравшие фольклор по глубокому внутреннему влечению» [3, с. 114]. Русские педагоги, знавшие тувинский язык, успешно собирали и русский, и тувинский фольклор. Преподаватели-тувинцы записывали фольклор у русских старожилов и переводили на русский язык тувинские тексты. Активно используя свои фольклорные записи на уроках, знакомя школьников с жемчужинами народной поэзии, прививая детям интерес и любовь к родной культуре, учителя-студенты привлекали учеников к собирательскому делу, создавали краеведческие кружки при местных школах.

В 1960–1961 гг. по инициативе исследователя организуется ряд фольклорных экспедиций в Пий-Хемский и Тоджинский районы республики. В ходе данных поездок собирателем совместно со студентами-заочниками было записано «почти 300 песен и частушек, 25 устных рассказов, 17 заговоров, множество пословиц, поговорок и загадок, произведения послеоктябрьского, в том числе, и партизанского фольклора» [4, с. 80]. Наиболее полно в фольклорных коллекциях были представлены образцы традиционной необрядовой лирики. Эти материалы стали первыми известными нам записями русского, в том числе и староверческого фольклора в крае.

Экспедиционные архивы, представленные полевыми дневниками и аудиозаписями, положили начало созданию личного рукописного фольклорного фонда Георгия Николаевича, который пополнялся на протяжении более сорока лет. К двухтысячному году мате-

риалы фонда охватывали 300 тетрадей и альбомов с записями произведений обрядового фольклора и народной прозы, а также с 770 текстами необрядовых лирических песен.

Также по итогам данных экспедиций в 1963 году в сборнике трудов КГПИ (№3) Г.Н. Курбатский опубликовал статью «О русском фольклоре в Тыве», в которой был представлен обзор жанрового состава местного русского фольклора, приведены образцы традиционной и новой послеоктябрьской народной лирики, названы наиболее талантливые исполнители.

В 60-е годы, как и прежде, в начале творческого пути, научно-исследовательская деятельность Георгия Николаевича была неразрывно связана с его преподаванием в стенах КГПИ. Обширная собирательская и краеведческая работа осуществлялась им в тесном содружестве со студентами-филологами. В течение многих лет при институте функционировал кружок фольклора и этнографии, созданный Георгием Николаевичем, который объединил любителей русской и тувинской народной поэзии, в основном, студентов и сельских учителей. Членами кружка было записано свыше четырёхсот загадок, множество песен и других фольклорных произведений. Некоторые кружковцы под руководством Г.Н. Курбатского целенаправленно, в течение нескольких лет занимались интересующими их темами. Семейный уклад и песенный фольклор местных староверов изучала Э. Михалёва. Новые, в том числе революционные песни Барун-Хемчикского и Бай-Тайгинского районов Тывы записывала Б.Ч. Хомушку. Детские народные песни местного русского населения собирала Л. Чигарская. Тему истории русской земледельческой колонизации в Тыве разрабатывала К. Чернусова. К ежегодно проводившимся в КГПИ конференциям кружковцы готовили сообщения, связанные с тувинской тематикой.

Привлечь студентов очного и заочного отделения к собиранию фольклора и тем самым расширить фронт краеведческой работы позволила и специальная программа по фольклористике, составленная исследователем и отпечатанная на ротаторе. В ней содержались рекомендации по методике записи фольклорных произведений и составления их паспорта, по формам работы с информаторами, подкреплённые личным опытом автора.

Впоследствии в своей статье «Русский фольклор в тувинском вузе» (1976) Георгий Николаевич особо отметил роль студентов КГПИ, в деле собирания фольклора.

С 1965 г. Г.Н. Курбатский посвящает себя целенаправленному изучению тувинского фольклора. Им организуется специальные экспедиции в отдалённые районы республики, публикуются произведения народнопоэтического творчества. Результатом многолетних исследований стала диссертация «Тувинские праздники: историко-этнографический очерк», защищённая Г.Н. Курбатским в Ленинграде в 1970 г.

В этот же период Георгий Николаевич занимается вопросами сравнительно-сопоставительного изучения местного национального и русского переселенческого фольклора, а также русско-тувинских фольклорных связей. В 1979 г. он обобщил предварительные результаты своих изысканий в данной области в сообщении «Тувинские мотивы в фольклоре русского населения Тывы», представленном на Всесоюзной научной конференции по координации собирания и архивного хранения русского фольклора в Ленинграде.

Доклад Георгия Николаевича был опубликован в виде отдельного оттиска в сборнике Института

русской литературы РАН «Полевые исследования, русский фольклор XXII». А фонограмма его выступления и по сей день хранится в фонограммархиве Института русской литературы РАН.

С этого времени Георгий Николаевич постоянно выступал на фольклорно-этнографических конференциях с русским и тувинским фольклорным материалом.

В 70-х гг. в научных сборниках за его авторством появляются статьи по вопросам методики преподавания русского фольклора: «Русский фольклор в тувинской школе», «О преподавании русского фольклора в тувинской школе», «Русский фольклор в тувинском вузе».

В 80-е гг. по материалам конференций исследователем публикуются сообщения, посвященные сопоставлению отдельных аспектов тувинского и русского фольклора, русско-тувинским фольклорным связям: «Тувинские народные песни как историко-этнографический источник», «О русско-тувинских фольклорных связях», «О фольклоре русского населения Тувинской АССР».

В 1985 г. в одном из шестидесяти томов монументальной серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» была издана книга сказок русского населения Тывы, записанных Г.Н. Курбатским совместно с его студентами. В 1993 г. этот труд был повторно переиздан в Новосибирске.

В последнее десятилетие XX в. Георгий Николаевич окончательно обращается к описанию материалов тувинского фольклора, о чём свидетельствует ряд публикаций этих лет: «К вопросу о тувино-русских, тувино-монгольских и тувино-тюркских связях»; «Нравственность, мораль, любовь в тувинских народных песнях»; «Традиционное мировоззрение тувинцев в народных песнях»; «Традиционное мировоззрение тувинцев в их загадках»; «Человек — Социум — Природа в тувинской мифопоэтике»; «Духовная культура тувинцев».

В 1990 г. исследователем был издан сборник тувинских народных загадок, а в 2001 г. увидела свет моно-

графия Г.Н. Курбатского «Тувинцы в своём фольклоре», в которой автор обобщил итоги своей собирательской и исследовательской работы предшествующих десятилетий.

На сегодняшний день готовится к публикации очередная монография исследователя «По страницам древнерусской литературы», в которой автор планирует проследить общие черты русского и тувинского традиционного народного мировосприятия. Своего издания ожидает и бесценный, хранящийся в личном архиве Георгия Николаевича рукописный фонд русского переселенческого фольклора Тывы, собранного ещё в 60-х годах прошлого века. По замыслу учёного эти материалы должны войти в авторскую монографию, посвящённую русской народной культуре Тывы.

Библиографический список

1. Силиванова, С. В. Учителя обогащают нас духом своим / С. В. Силиванова // Башки. — 2006. — № 4. — С. 33–42.
2. Гривин, С. А. Интервью с Г. Н. Курбатским / С. А. Гривина. — 2010. — 22 августа.
3. Курбатский, Г. Н. Русский фольклор в тувинском вузе / Г. Н. Курбатский // Проблемы преподавания и изучения русского народного поэтического творчества : Республик. сб. — 1976. — Вып. 3. — С. 113–125.
4. Курбатский, Г. Н. О русском фольклоре в Тыве / Г. Н. Курбатский // Труды КГПИ. — 1963. — № 3. — С. 78–103.

ГРИВИНА Светлана Александровна, старший преподаватель кафедры русского языка Омского танкового инженерного института; соискатель кафедры современной отечественной истории и историографии ОмГУ им. Ф.М. Достоевского.

Адрес для переписки: e-mail: sveta.grivina@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 30.09.2010 г.

© С. А. Гривина

Книжная полка

ББК 63.3(2)4/П12

Павленко, Н. И. История России с древнейших времен до 1861 года [Текст] : учеб. для вузов / Н. И. Павленко, И. Л. Андреев, В. А. Федоров ; под ред. Н. И. Павленко. - 5-е изд. — М. : Юрайт, 2010. — 712 с. : карты. — (Основы наук). — Библиогр.: с. 704-712. — ISBN 978-5-9916-0547-2. — ISBN 978-5-9692-0842-1.

В учебнике излагается история России с древнейших времен до 1861 г. Получили освещение основные проблемы социально-экономического и политического развития, вопросы истории культуры и быта в соответствии с представлением о них современной исторической науки.

ББК 63.3(2Р-4Ом)/Э68

Энциклопедия Омской области [Текст] : в 2 т. / под общ. ред. В. Н. Русакова. - Омск : Кн. изд-во, 2010. — ISBN 987-5-85540-619-1.

Т. 1 : А - М. — 2010. — 591 с. : портр., цв.ил. — ISBN 987-5-85540-621-4

Т. 2 : М - Я. — 2010. — 591 с. : портр., цв.ил. — ISBN 987-5-85540-623-8.

Энциклопедия Омской области — первое в истории региона универсальное справочное издание, на страницах которого содержится обширная информация о жизни нашего края с древнейших времен до наших дней. Здесь в алфавитном порядке расположены статьи о природе и истории, географическом положении, демографическом, административном, социальном, экономическом, культурном и общественно-политическом развитии области.

Описываются факты и события, сыгравшие существенную роль в жизнь региона, приводятся биографические данные об исторических деятелях, военных, путешественниках, выдающихся организаторах промышленности и сельского хозяйства, ученых, литераторах, художниках и многих других людей, оставивших заметный след в истории Омского Прииртышья.